

ДАРЬЯ ВОЗНЕСЕНСКАЯ

ПЕРВАЯ НОЧЬ- ДРАКОНУ!

Дарья Вознесенская

Первая ночь – дракону!

«Автор»

2024

Вознесенская Д.

Первая ночь – дракону! / Д. Вознесенская — «Автор», 2024

Право первой ночи, да прям сейчас?! Вот это я попала... во всех смыслах!
Опасные драконы, королевская власть, патриархат и заброшенные замки?
Хм, на фоне остального драконы очень даже милые... Тайны, интриги и
неуступчивый мужик? Что ж, чтобы спастись и занять подходящее место в
новом мире, придется со всем разобраться. И с интригами, и с тайнами, и... С
неуступчивыми мужиками сложнее всего, конечно. Вот только и награда самая
привлекательная. Любовь

© Вознесенская Д., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Про право первой ночи	5
Про то, что летать можно по-разному	11
Про «щедрость» Вселенной	17
Про поцелуй с камнем, предков и принятые решения	22
Про тайны замкового погреба	28
Глава, в которой Наташа обживаетеся и находит себе психолога	35
Глава с поцелуем номер два и слезами	39
Про «первую ночь» и перемены	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дарья Вознесенская

Первая ночь – дракону!

Про право первой ночи

– Хорошая девка. А ты иди, без тебя справлюсь.

Меня будят слова, сказанные грубым мужским голосом, и прикосновение к голой щиколотке. Грубое прикосновение и пальцы такие... неприятные. Мозолистые.

Кто ж так будит?!

От испуга и неожиданности я верещу, дергаю ногой, падаю со своей кровати и прыгаю куда-то в сторону...

Потом только глаза открываю.

И взвизгиваю снова.

Громко и с ужасом.

Потому что я не со своей кровати спрыгнула. И не к своей родненькой стеночке с модными полосатыми обоями спиной прижимаюсь.

Я стою посреди каменного мешка. Голые ступни жалит холодом каменный же пол. На стенах оружие развешено и факелы, будто не комната это, а оружейный зал музея. Устрашающее оружие и местами чем-то запачканное.

А посреди оружейной... кровать с балдахином. Вот и вся обстановка. На кровати с тряпками и шкурами сидит оторопевший мужик в женской длинной ночнушке и с пухлыми щеками. У входа толкнутся несколько оторопевших мужиков – с факелами в руках!!! – а ближе ко мне стоит ещё один... бородатый. И тоже, кажется, удивлён моей прытью.

– Ик, – только и могу сказать на выверты моего подсознания. Я бы не сказала, что такая креативная, чтобы даже во сне подобное придумать. Что происходит? – Чур меня. Изыди. Сгинь. Сейчас проснусь, в общем...

– Она же вроде нормальная была, – ещё больше удивляется бородатый. Из-за гула в ушах и нервной тряски, которая меня невольно охватывает, я его плохо понимаю. Или это из-за его шепелявости? Он смотрит на меня, скалитися, а половины зубов не хватает.

– Нормальная она. Нормальная, господин! – внезапно отзывается тот, кто в ночнушке. Заискивающе как-то. И с кровати тоже спрыгивает, идет ко мне. – Наталина, не дури! Нам честь оказали такую! Немедленно в постель!

– Ик, – снова говорю я и щиплю себя за руку. Сильно. Глаза тру и даже нащупываю стенку рукой и несколько раз прикладываюсь к ней головой.

Не помогает.

Я – не Наталина. Я – Наташа. И засыпала совсем в другом месте – в собственной квартире. Конечно, можно предположить, что мои тусовщики-соседи курили травку у меня под дверью. Или в вино, которое мы пили с девчонками накануне, что-то добавили и это все галлюцинации...

Но ногам слишком холодно, а в комнате слишком душно – здесь нет окон. Зато куча мужиков и факелы. Они не в курсе, что кислород так быстро закончится? И все это слишком странно, с моими прагматичными мозгами я бы не смогла нафантазировать.

И до меня доходит еще одна вещь.

Тут не только не моя комната, но и язык не тот, к которому я привыкла. Я все понимаю, я могу говорить, я даже говорю, не задумываясь и не сличая слова с внутренним словарем, как делала в английском, но это не русский! А что-то совсем другое!

– Так, – сообщаю сразу всем, – сейчас будет истерика.

Но мои слова мужиков почему то не пугают, а веселят. И успокаивают будто.

– Так и положено, – говорит мне тот, кто в ночнушке, и становится рядом с бородатым, – Невинной девице и должно быть страшно в первую брачную ночь.

Невинной? Ну как бы вам сказать...

Стоп. Какая брачная ночь?!

Это за кого я успела замуж выйти бессознательно?! Я в сознании-то столько лет надеялась это сделать – и не могла. А тут хоп, и замужем?! За кем?!

Внимательно всматриваюсь в обоих....

– Нет, – говорю совершенно честно, – Никаких замуж за вами.

Даже во сне я бы за таких не вышла, это я четко понимаю.

Они очень странно смотрятся вместе. И по раздельности тоже. Один в белой тряпке с кружевом у горла. До пят. И правда на девку похож. Дебелый, пухлый, бледное лицо, щеки нездоровым румянцем горят. И кудри редкие на голове... А второй – такой дядька из средневекового кино, который только что вернулся с боя и даже не успел почистить доспехи. Похож на маньяка с топором. Неопрятная грязная борода, нос картошкой, сальные волосы до плеч, грязные ручки... кожаные доспехи в непонятных пятнах не скрывают пуза и коренастого тела.

Бр-р...

– Бр-р, – сообщаю я сразу всем на удивление спокойно. Такое спокойствие – первый признак зарождающейся истерики. – И кто муж?

– Точно свихнулась, – досадливо крикает бородач.

– Сглазили, – хватается за голову кучерявый. И чуть не хныча ко мне обращается, – Наталина, ну неужто не помнишь меня? Обряд же был только что!

– Значит ты – муж, – киваю задумчиво, – И как же тебе пришлось в голову свою жену кому-то отдать?!

– Свихнулась. Свихнулась, – обидно гудят мужики с факелами.

– Так право первой ночи же... – чуть теряется «муж».

– Ч-чего?!

Нет, я, конечно, понимаю, «чего». Только ко мне это как применимо?

Право первой ночи практиковалось где-то там, в темном средневековье. Когда феодал или почётный гость могли овладеть девушкой раньше новоиспеченного мужа. Паршивый такой обычай, наверняка его использовали только чтобы власть свою утвердить...

– Надоело болтать, – рычит бородатый, – Или ты, Хорр, быстро в кровать ее затащишь, чтобы не дергалась, или дань годовую плати!

... власть утвердить или расплатиться таким образом.

Ужас.

– Сейчас все будет, господин! – всплескивает руками кучерявый.

И оба шагают в мою сторону.

Ага.

Как же.

Разбежались.

Галлюцинации, сон или ужасная правда, которую моя головушка пока не усваивает до конца – не важно.

Психотравма мне не нужна даже во сне!

Но варианты?!

Они же ко мне идут. Руки свои растопырили, чтобы поймать, и идут. Пауки мерзкие. И мужики, которые все толпятся у дверей, смотрят так внимательно и с ожиданием – поймают меня или нет. Или подсобить чем подумывают, все четверо. В доспехах. «Господина» этого бородатого наверное пошли провожать к постели. Или посмотреть планировали. И на лице

моего мужа... тьфу, даже мысленно не хочу его так называть! В общем там решительная решимость дань никому не платить.

Точнее платить – но мной.

А я, как хорошая жена и рачительная хозяйка по его логике еще и подыграть должна. Со скромной радостью. Как он там сказал? Нам честь оказана? То есть мы по статусу господина ниже, и если я правильно помню, что в феодальном средневековье творилось – и допускаю, что вот так вот переместилась по времени, неизвестно куда – то мое неповиновение неприлично. И может быть сурово наказано.

– Всегда терпеть не могла историю средневековья, – бормоча, перебегаю к другой стене. Что же делать?

Притвориться действительно ненормальной? А если здесь для таких предусмотрен только камень на шею?

Начать шептать абрукадабру, типа заколдую?

Типа могут и сжечь.

Была не была!

Я ка-ак сдергиваю ближайший меч! Ка-ак наставляю на них! И...

Черт.

Из чего его делают, а?! В мече килограмм двадцать! Или сорок! Какой там наставляю – сразу выронила и хорошо, что по ноге не попала себе!

Нет. Биться с мужиками не вариант. Надо хитростью. Мягкостью. И хотя б с одним только остаться – когда их много, дышать тяжело во всех смыслах.

– И правда, чего это я... – говорю извиняющимся тоном, и бочком-бочком от меча отхожу. Типа к нему не имею никакого отношения. На меня смотрят с большими сомнениями. И не движутся. Я тоже двигаться перестая и мило – надеюсь – улыбаюсь. – Спросонья чего только не померещится. И волнение от первой ночи, сами понимаете, господин...

Последнее слово едва выдавила. Но вроде нормально все сделала, потому что мужики переглядываются и вроде добреют. А «муж» еще и вздыхает облегченно.

– Ну вот так бы и сразу, – сообщает бородатый, оглаживает свою бороду и смачно сплевывает. А потом ручищей похлопывает по плечу пригнувшегося от такой ласки "мужа", – Иди Хорр. И не возвращайся, пока не позову. Даже если женушка твоя верещать будет – эт она от удовольствия, ха-ха-ха.

– Ха-ха-ха, – предано подхватывают остальные.

– Гы-гы, – гогочет Хорр, но мне перед уходом успевает кулак показать. Намекает, чтобы я не рыпалась.

Тьфу. Гадость какая. Но они хоть спальню-оружейную покидают и дверь за собой прикрывают.

А бородач, довольный на меня поглядывая, запирает дверь на засов и усаживается на кровать.

– Давай, раздевай своего господина, – вытягивает вперед ножищу в грязном сапоге.

Господи. Надеюсь там на подошве глина, а не навоз.

Покряхтывая, я стаскиваю его обувь, кожаные доспехи и какую-то сбрую, стараясь дышать через раз – мужик явно не каждый день ванну принимает – и выдавливаю из себя улыбку:

– Выпить, господин?

– Чего бы не выпить, – посмеивается и больно щипает меня за зад.

Я зубы стискиваю и отхожу, незаметно взвешивая в руках глиняный кувшин с вином.

Ерунда. Этого борова таким не пробьешь.

Наливаю полный кубок кислого и крепкого даже на запах «вина», подаю ему. Пережив ещё один щипок – синяк же будет! – озираюсь осторожно. Может что ещё найдётся, что помо-

жет мне избежать вот этого всего? Оружие не мой конёк – это мы выяснили. Дубинки нигде нет. Спеленать покрывалом? Ха. А может тем натертым металлическим подносом воспользоваться? Ударить посильней, он отвлечется или упадёт, а я такая шмыг... но куда?

Задумчиво провожу по вертикально стоящему подносу, который тут будто вместо картины – не лежит вовсе, а стоит – и замираю, глядя в своё довольно отражение. И забываю даже о мужике. Потому что...

Та, кого я вижу – это не совсем я. Как бы я, но сильно младше. И даже тот факт, что поднос – не зеркало, не мешает заметить разницу между моими уверенными «почти тридцать» и этими «возраста согласия достигла».

Пухлые щеки против узких скул, широкие брови вместо аккуратной формы и коса взамен модной стрижки.

Я сглатываю и нащупываю эту самую косу. Болтается. Не мерещится.

Ночнушку приподнимаю. Щиколотки выглядят как всегда изящно, но их уже не украшают татуировки в виде иероглифов.

И вот тогда мне становится совсем страшно. До того что? Слабоумие, отвага и надежда на то, что все-таки сон. Но придумать во сне собственную молодость и стереть татуировки... Нереально.

То есть я не просто случайно легла спать в машину времени или что там произошло. Это тело – не совсем мое. Мозги от меня только остались. И когда я осознаю все...

– У-уу, – шепчу в ужасе и начинаю трястись.

– Ты чего застыла-то? Сюда иди, – раздается сзади.

– А-аа, – всхлипываю, когда вижу, что мужик уже штаны стянул.

– Не бойся, не обижу, – продолжает господин и указывает на место рядом с собой.

– Ё!-ыы, – мечусь по комнате, заламывая руки.

– А ну хватит! – рывкает, – хотел же по-хорошему, но могу и по-плохому!

Да куда хуже-то?! Я неизвестно где, неизвестно кто – вроде я и не я одновременно, и неизвестно с кем должна сейчас известно чем заниматься!

И это все реально!

Мне орать хочется и биться головой об стену, а не вот это вот все!

Но инстинкт самосохранения всегда сильнее истерики. Всегда. Рыдать я буду потом. А здесь и сейчас я должна спасти себя и свою невинность. Которую, скорее всего, мне тоже нарастили. Точнее, она еще осталась у этой девицы. То есть у меня...

Запуталась!

Делаю глубокий вдох и напоминаю, что мне почти тридцать. Что я почти десять лет риэлтором проработала. И однажды сидела в подвале, куда меня запер ненормальный покупатель. И сдавала в аренду квартиры представителем всяких «братков». И умела находить общий язык даже с истеричками.

Я опытная, я умная, я предприимчивая. Я справлюсь самым лучшим для данной ситуации способом.

Ещё вдох и выдох... Шагаю в сторону кровати, развязываю тесёмки своей сорочки у горла и стягиваю ее так, чтобы плечо показалось.

– Господин так торопится... – мурлычу неприличным образом. И косу расплетать начинаю, – Ну куда нам торопиться? Вся ночь впереди.

Я облизываю губы и томно повожу плечиком. Отвлекаю от того, что у меня в руках.

Хорошая штука, кстати. Тяжелая правда, но поговаривали, что БДСМ для сильных людей. Особенно средневековый БДСМ. Где вместо наручников – кандалы. С торчащим ключом внутри.

Нет смысла уточнять у мироздания, что они делают в спальне-оружейной. Они или для спальни – или как оружие. Везде пригодятся. Если только сумею их застегнуть.

– Ах какой господин мне достался, – продолжаю мурлыкать, вспоминая, как договаривалась с самыми неуступчивыми клиентами, – Как же мне повезло... мужественный, сильный, умелый...

Взгляд его стекленеет, и сам он начинает тяжело дышать. Я медленно иду, подволакивая по полу железяки. Те противно скребут камень и я в своей девственной ночнушке наверное похожа на Кентервильское привидение, но это точно не самая большая проблема.

– От такого господина сбежать и не захочется, – ногу на кровать ставлю и приподнимаю подол. Пока у него слюна капать не начинается. Вряд ли стриптиз – регулярное удовольствие в местных реалиях, так что его конкретно ведёт. Лишь бы не переборщить, – Только господин мой такой большой, такой великий... Страшно невинной деве, вдруг разорвет на кусочки?

Мотает отрицательно головой как большая лохматая собака. И не отрывает взгляда от моей обнаженной ноги.

– А я такая хрупкая, – ой и несёт меня, – Цветочек юный... жалко будет, если заболēju. Но я слышала один способ, как бы я могла дольше господина радовать. Как удержать господина, чтобы силу соизмерял... а я сама, сама все сделаю. Вам только останется, что отдыхать и наслаждаться.

Киваю на кандалы и, чтобы меньше сомневался, окончательно ворот сорочки расслабляю.

– Ложитесь ложитесь, – бормочу, стараясь не думать, что его ещё и трогать придётся. – Ох какой вы сильный... опасный... и орудие какое сильное... настоящий мужчина.

Переборщила все-таки.

Ну или он вообще ничего не понял из моих слов и не собирался добровольно привязываться.

В следующее мгновение я оказываюсь вмятой в кровать тушей «настоящего мужчины». И в бедро мне упирается его «сильное оружие».

Черт. Вот что делать теперь?! Когда мне уже конкретно так ноги раздвигают?! Смириться и потерпеть – хоть жива останусь? Но пусть это глупо и недальновидно, только сейчас, в моменте, я не могу безропотно притвориться бревном и дать мужику получить то, зачем приперся. Потому изворачиваюсь, примеряясь зубами к картофельному носу, пока он мне подол рвет...

И в этот момент что-то или кто-то так сильно бьют по запертой двери, что раздается треск дерева.

И снова.

До меня доходит – уже какое-то время за дверями вопят и грохочут. И крики-то нерадостные... Мужика на мне уже нет. Взревав, он вскакивает с кровати, натягивая штаны и сапоги. И с воплем: «Мстительные твари!» выскакивает наружу, прихватив меч.

Крики, треск, звон делаются громче.

– Это Карвары!!!

– Нападение!

– Вперёд!!!!

Кажется, там бойня...

Я быстренько добегаю до двери и снова ее запираю. А потом без сил опускаюсь по стёночке и всхлипываю в ужасе перед происходящим. Голова болит. Потому что и правда ужас.

Я реально в совсем другой жизни. И мне уготована совсем другая жизнь – и не понять почему.

Меня здесь принимают за какую-то неведомую Наталину, меня отдали в уплату дани в первую брачную ночь незнакомцу, и то, что на это место напали – только отсрочка. Да, у меня была тройка по истории, но это не мешает вспомнить, как паршиво в средневековье обращались с женщинами.

Да что вспоминать – все перед глазами. Сейчас одного отвлекли, потом другой пришел. Война лишь временно в моих интересах. На постоянной основе... блин, не уверена. Они большие, злые и бьются. А я вообще-то юная дева в ночной сорочке – и мне точно не важно, кто победит. Все опасны.

Да и каменный склеп этот может сгореть.

Нет. Прятаться нельзя – надо выбираться отсюда на улицу. Прятаться там. Подальше от всяких бородатых. Где-то... черт его знает, в лесах, например. Прятаться, выяснять, как я вообще здесь оказалась и как мне оказаться снова не здесь.

А дома в собственной кровати.

План минимум.

Я осматриваю в очередной раз комнату. Не нахожу никакой одежды. Рву ветхую простынь на тряпки, чтобы ноги замотать. Покрывало накидываю на плечи и узлом завязываю. Хотя какая-то защита. Выходить страшно – в пылу битвы меня не пожалеют и не заметят. Но в щель под дверью тянет уже нехорошим дымком... Потому я беру кандалы – мало что утащить могу, а это могу. И короткий, кривой нож. Приматываю на лицо еще одну тряпку, которую вином пропитала – где-то читала, что это от дыма может защитить...

В темном коридоре почти ничего не видно – двух факелов не хватает.

Мне куда? Направо, налево? Сворачиваю направо и, держась за стенку, иду. Потом по лестнице вниз – вниз это же на выход, так? Да только там, ниже, за поворотом витой лестницы, раздается хлопок, что-то взрывается, пыша сухим жаром мне в лицо, еще и жуткий вопль...

Я взвизгиваю, и бегу наверх, не слишком-то разбирая дороги. Поскальзываюсь на каменных ступенях, падаю, больно коленкой ударяюсь и снова бегу. На новый то ли уровень, то ли еще что – снова коридор, но он светлее, здесь больше факелов, а еще – узкие окна-дырки в стене, без всяких стекол, за которыми почему-то все красное...

Куда теперь?

Я дергаю деревянную дверь за кольцо – не поддается. И следующая тоже. Коридор скругляется, за поворотом ничего не видно, потому врезаюсь в человека совершенно неожиданно. А он у него что-то с лицом, я не могу разобраться, еще он рет – потому я даже не хочу разбираться! Хватает меня, я же неумело втыкаю в руку нож, выворачиваюсь, снова бегу, спотыкаюсь обо что-то, перелетаю и падаю аккурат возле чьей-то головы...

Не чьей-то.

Судя по липким редким прядям и знакомой ночнушке, выглядывающей из под подобия брони, это мой муж. Бывший. То есть мертвый.

Потому что лежит неподвижно совершенно.

Осторожно, на четвереньки, подальше... Туда, где нет никаких лежащих и нападающих мужиков. На лестницу, которая ведет только наверх, прочь от криков и жуткого дыма. Почти не понимая, что и зачем я делаю – просто подальше отсюда!

Но замираю у одной из дырок – окон, лишь мельком глянув наружу. Потому что то, что я вижу, это... В общем сразу понятно, я ошибалась. Когда думала, что меня протащило по временной петле без всяких агрегатов. И случайно засунуло в свое-чужое тело.

Нет.

Все гораздо сложнее.

Я вообще в другом мире.

Потому что в моем, в котором я родилась, ни в каком средневековье их не было. Парящих и ужасных.

Драконов.

Про то, что летать можно по-разному

«Всегда будь собой. Но только если ты не можешь быть драконом. Если можешь – будь драконом».

В голове только эти слова – неизвестно откуда взявшиеся, кстати – пульсируют. Смотрю. Завороженно. Мне бы бежать и спастись – а я смотрю.

Они чудовищные. Прекрасные. Ужасные. Темные в свете красных всполохов, цвета не разобрать, стремительные. И в то же время достаточно медленно разворачиваются, чтобы я успела полюбоваться.

Они такие... невозможные. Зверями-то не назовешь. Это порождение самого мира: могущественное и беспощадное. Олицетворение зла, воплощение мудрости и символ буйства стихии. Кажется я ничем так в своей жизни не восхищалась и ничего так не боялась, как вот этих летающих махин... Сколько их там? Три, четыре штуки?

Даже одного слишком много на шокированную попаданку!

Как зачарованная смотрю, надеюсь хоть слюни не текут от восторга... И прихожу в себя от грохота. И от того, что пол из-под ног уходит.

Тут же вспоминаю где я и что я. Понимаю, что грохот – это кусок стены неподалеку рушится – из узкого оконца не видно, далеко от меня это или нет, но вот то место, в котором я сейчас нахожусь, может сейчас рухнуть и погрести меня под собой!

Беги, дура!

И я бегу.

Снова наверх – потому что снизу уже клубы дыма. Там не проберешься. А наверху... да не думаю я, что там, наверху! Меня гонит вперед самый сильный инстинкт, заставляющий людей делать много глупостей, да.

Инстинкт выживания.

Наверное, если бы я была осторожной, я бы успела остановиться.

Наверное, если бы средневековые идиоты – строители соблюдали нормы – там было бы ограждение.

Но я в мгновение оказываюсь на совершенно открытой верхней площадке. По инерции пролетаю ее... и вот уже мои ноги могут нащупать только пустоту.

И я падаю вниз.

Дыхание перехватывает, перед глазами, как и написано в книжках, вся жизнь проносится.

Вот я с двумя смешными косичками иду в первый класс: гольфы все время норовят на щиколотки сползти, и ничего не вижу от волнения. Такие же тонкие косички – на последнем звонке. Мы напились тогда дешевого игристого и гольфы сползали уже на туфли на каблуках.

Мой первый мужчина, случившийся по большой любви, принёсшей большие страдания и тату птицы на предплечье. Тогда я дала себе зарок быть свободной от любых отношений и не собиралась даже в сторону мужиков смотреть. Глупая.

Первая работа и первая зарплата, то, как меня подсидела коллега – уходила я обиженная и в слезах. А спустя год, при новой работе и зарплате мысленно благодарила ее.

Новые увлечения и «настоящая любовь со второй половинкой». И то, что половинка оказалась наполовину пустой, а не полной, а на щиколотке появилось китайская пословица «если нам суждено, то встретимся и за тысячу ли»...

Татуировка, которой теперь нет...

Шмяк.

– Аааа! – ору, приземляясь на что то твёрдое и шершавое. Живая, почему-то.

– Р-рааа! – орет подо мной это твёрдое и ...

Взмахивает огромным и кожаным по обеим сторонам от меня.

Инстинкт самосохранения снова работает быстрее мозгов. Прежде чем я оцениваю, что и как происходит, я вцепляюсь во что-то движущееся и летящее.

Летящее на настоящих крыльях ночи над горящей крепостью!

– А-ааа! – опять ору я, испытывая самые разнообразные ощущения: от паники и тошноты до ненормального восторга и бабочек в животе...

– Ру-ууу! – рычит огромная чешуйчатая птица и пытается меня скинуть. А потом шея, в которую я вцепилась, напрягается, а морда впереди меня изрыгает пламя прямо на крепость...

Машина ныряет вниз. Бабочки в животе подкатывают к горлу.

Мне кажется, меня расплющит о стремительно приближающуюся темную поверхность.

Обходится.

Опять.

– Д-дракон... – всхлипываю, скатываясь с массивной туши и приземляясь на пятую точку. Отползаю в сторону, поворачиваюсь. И дракон поворачивает свою голову ко мне и распахивает пасть... Я вижу, что внутри пасти зарождается пламя. Мне бы снова бежать... бежать что есть сил и куда глаза глядят.

А я стою и смотрю на расцветающий в драконьем горле огненный цветок.

У меня, наверное, есть оправдания. Например, мозг, поврежденный перемещением в другой мир. Или общая пожизненная тормознутость. Или мои внезапно возникшие фантазии на тему драконов, превращающихся в прекрасных мужчин... Ну кто не фантазировал об этом? Даже если прочитана всего одна – две книжки, но мысль же соскакивает на что-то такое чешуйчато-волевое, огнедышаще-мужественное...

«Хрясь».

Дракону прямо по морде прилетает рукой в кольчужной перчатке.

– Это баба, а не крепость, – сообщает недовольный мужской голос. – С бабами мы не воюем.

Вот что такое дракон, а? Каждый кубический сантиметр вмещает в себя коготь, лапу, чешуйку, кожаное крыло или кончик хвоста: общее впечатление примерно такое же, как от картинки-головоломки. Не объять. Не понять.

Но не насмотреться.

Так бы засмотрелась и превратилась в средневековый шашлык, если бы не неизвестный мужик.

А мужик ничего такой, кстати. Который и ударил по драконьему носу, благодаря чему пасть захлопнулась, а я перестала изображать кролика. Во всяком случае более понятный, чем чудище рядом... Потому для собственной безопасности я его разглядывать начинаю. Кудри черные выбиваются из кольчужной шапки, широкие плечи загораживают драконью морду, суровый взгляд серых глаз буровит меня насквозь. Красивый, хоть и бородатый. У меня от бородатости уже нервный тик, но этому идет. И нахмуренные брови идут. И доспехи. И высокий рост. И дракон рядом ему подходит.

– Ты чего стоишь под пламенем? Больная? – осматривает меня, не находит ничего интересного и головой качает, – Иди отсюда, Карвары баб не убивают. Особенно больных. Иди...

И принимается крепить какие-то мешки на дракона.

А я окончательно прихожу в себя.

Осматриваюсь, раз уж те, кто рядом, возможность такую дали. Точнее, не заинтересовались...

Местность так себе.

То ли сельская, то ли пустынная просто. Куцые деревья, поля, поля, скалы вдалеке. Только-только начинает светать.

Но светло.

Потому что вокруг – пожары.

Оранжевые всполохи горящего дома – с виду крепость не такая и большая, чего я по ней бегала как по огромному замку? Тлеющие угли каких-то отдельно стоящих домов. На горизонте – зарница рассвета. Ну и периодически летит что-то по серому небу... Ой да ладно, назову вещи своими именами – драконы летают. И выпускают из пасти длинное пламя. На деревья, на бегущие фигурки, на дальние строения...

Не знаю, что уж тут кто не поделил, кто и как виноват – а кто прав. Кто хороший, а кто плохой... Но война вокруг меня продолжается.

И мужик этот – как бы часть войны. Карвар, точно... защитники крепости, в которой я оказалась и может быть даже вышла замуж – точнее не я – тоже упоминали эту фамилию. Или имя. Как они говорили? «Мстительные твари»?

Все может быть.

Но я вдруг осознаю, что вот этот большой, сильный, не трогающий больных баб, но трогающий больших драконов – лучше, чем мертвые, местами спасающиеся и сражающиеся неизвестные люди. Которые меня вместо дани отдают. Да и дракон волшебный. Как надо. Оранжево-черный, огнедыдающий. Такой, чтобы малознакомые рыцари навещали к нему в пещеру. Но не ради принцессы, принцесс-то пруд пруди, а потому что дракон – зверь редкий и красивый.

Мне точно с ними надо.

И вместо того, чтобы бежать куда подальше, я, наоборот, шаг вперед делаю.

– Некуда мне идти, – сообщаю. Надеюсь на жалость. Или на то, что он внезапно в меня влюбится – бывает же такое?

Мужик еще раз меня осматривает.

Я тоже взгляд опускаю...

Печальное зрелище, надо сказать. Лохмотья, грязные потеки, босые ноги в царапинах... Лицо, полагаю, не лучше.

Вот он пожимает плечами и отворачивается. Не впечатлила.

– Возьмите меня с собой, – делаю еще шаг и замираю, потому что дракон ворчит.

Мужик даже головы не поворачивает.

– Возьмите. Пригожусь, – шепчу с отчаянием.

Интуиция вопит, что надо не в леса, как мне прежде казалось, а с ними улетать. Куда я здесь пойду? В разорённой местности. Я не знаю ни страны, ни кто я, ни есть ли у меня семья. Может все погибли и это вообще мой дом, а не мужнин горит. И муж помер. Вроде и хорошо, но может и не очень. А я только имя свое и знаю. Без фамилии.

И тот факт, что вот этот воин сильнее других...

Но бородатый лишь хмыкает и как по лестнице по чешуйкам забирается на дракона. Верхом садится, чтобы улететь. Без меня.

А я понимаю, что без меня нельзя им. Не пушу. Потому что мне без них никак нельзя оставаться.

Пусть все, что я знаю о драконах, так это то, что они тащат домой сокровища, что они коварные и прекрасные, жадные и мудрые. Пусть все, что я знаю об этом человеке, так это что он напал на замок, носит доспехи и ничуть во мне не заинтересован, но...

Чую – без них пропаду.

Не знаю, откуда у меня силы берутся. И как их оказывается достаточно – и слабоумия впридачу. И как я не потеряла во всех своих мытарствах кандалы...

Но действую я быстро.

В тот момент, когда воин оказывается на драконе, я с воплем бросаюсь вперёд, защелкивая скрипящий механизм на своей руке и в прыжке достигаю дракона. И щёлкаю ещё раз браслетом на противоположной стороне цепи, закрепляя кандалы на драконьей сбруе.

Как раз когда махина чешуйчатая приподнимается.

Мужик начинает что-то орать, а дракон ревет и резко взмахивает крыльями... И попадает этим своим крылом мне прямо по голове, взлетая.

А я...

Ну что я. Сознание теряю, конечно. И последняя мысль лишь о том, успела ли я закрепить все как надо?

***

Я потеряла сознание на драконе, а очнувшись фиг пойми где.

Не в любимой кровати в своем привычном мире. Не болтающейся головой вниз над горящими землями. Не в замке, в роскошных покоях... Ну так, можно было бы помечтать, да? Что в моей новой, странной и очень быстро меняющейся жизни появился не только дракон, еще и рыцарь, и башня принцессы.

Не срослось.

Лежу на смеси из говна и палок: это я по запаху и внешнему виду определяю. Вокруг – стены из соломы и глины наверное. Местный Ниф-Ниф построил плохо: щели такие, что светло. Не поломано ничего вроде. Себя осматриваю: ужасно болит запястье, на которое я браслет железный застегивала. Браслета нет, только ссадины и синяк. Еще плечо почти не двигается. Ноги в синяках. А ночнушка окончательно в грязную тряпку превратилась, и на голове – огромная шишка. Где меня дракон «погладил» крылом вчера. Или не вчера – сколько я здесь провалялась?

Получается они меня бросили? Мужик и дракон? Или донесли до места назначения и определили в этот сарай?

Встаю и едва не падаю от слабости. Хочется воды, еды и в туалет... А еще обнять себя и плакать.

– Плакать потом будешь, когда понятно станет, что оплакивать. Всю свою потерянную жизнь или только ее отдельные части, – выговариваю сама себе. Да и слезы чем помогут? Этот мир, похоже, не всем отличается от моего. И здесь, даже если ты хрупкая женщина, придется решать проблемы самостоятельно.

Потому я аккуратно отодвигаю дверь из все тех же палок и выглядываю наружу.

Хм.

Такое чувство, что я снова переместилась. По времени или пространству. Удивляться уже сил нет, но я удивляюсь. Хижинам, стоящим вразнобой посреди равнины с чахлыми кустарниками. Лошадям, пасущимся вдалеке. Еще более далекой цепи гор. Это похоже на деревню, но не такую, которая русское поле и березка. И не из средневековой Европы. Скорее на поселение папуасов или кочевников.

Прячусь ненадолго в свою хижину, чтобы выдохнуть, и выхожу уже более уверенно. Надо устанавливать связь с местным населением. Не то что бы мне очень хотелось... Но варианты? К тому же то, что я не заперта и не связана, говорит об их дружелюбном настроении... Наверное. Я ни черта не понимаю в дикарях.

Дикари меня и окружают, да. Толпой прям. Мужчины, женщины, дети. Говорят все разом и не слишком понятно – только некоторые слова и звуки знакомые. У них обычные, европейские лица, только поведение и прически... Дикарские совершенно. Всклощенные космы с бусинами и мелкими черепами – хотя бы чистыми на вид, предплечья перепачканы в краске или грязи. И одеты... скажем так, хотя бы одеты. Гениталии и торсы прикрыты кожаными квадратами и тряпками, на руках – навязаны ремни. У женщин тоже. Дети маленькие вообще голышом. И все в меня тычут пальцами, смеются. Норуют потрогать волосы и остатки ночной рубашки.

Неужели я опять в другой мир переместилась? Ещё более неразвитый? Это же совсем не похоже на крепости, мечи и кольчужные доспехи, которые мне продемонстрировали в предыдущей серии!

Задница какая...

За зад меня и щиплют.

– Хор-рошая, – довольно кивает какая-то седая старуха, когда я резко оборачиваюсь в намерении дать по рукам наглецу. И за руку еще раз хватить. А потом говорит что-то визгливо и быстро собравшимся – ни слова опять не пойму! И за руку меня хватает, держит крепко. Чтобы не сбежала.

Да куда я сбегу? Не сейчас так точно.

На нее наступает несколько женщин со злыми лицами, тоже повизгивая и шумя, но старухины речи верхних пределов децибел достигают, перекрикивают всех. И вдруг замолкает. И все молчат. А седая удовлетворенно кивает и тащит меня прочь:

– Иди.

Иду. У меня контузия, кажется, от воплей, как тут не пойти?

– А-ша, – показывает на себя, заводя в одну из хижин. Здесь есть очаг, звериные шкуры и всякие горшочки – жилое, видимо помещение.

– Наташа, – показываю на себя. Надеюсь, правильно поняла ее.

– Есть, – тыкает в котел, – Пить.

– Хм... а в туалет? – помогаю себе жестами, показываю, насколько хочется.

– Туда, – приоткрывает полог и кивает на чахлые кустики. Ну, такое себе...

Только я уже не том состоянии чтобы спорить.

Быт и времяпрепровождение у племени оказывается очень и очень простым. Еда – это похлебка из жестких кусочков мяса и кореньев. Питье – мутная вода. Одежда – кожаные накладки, ремни, глиняные бусы, в которые меня споро обряжает старуха. Мужчины, судя по тому, что с копьями и короткими мечами устремляются в сторону гор, занимаются охотой, а женщины – собирательством и всяким ремеслом для обслуживания племени. Вроде скобления шкур – вонь жуткая, – или лепки из глины все тех же горшочков и бусин.

Весь день я безропотно терплю щипки старухи и помогаю ей во всем, в надежде узнать хоть какие-то подробности об этом мире. Она единственная, кого я понимаю – визги всех прочих неразличимы, а смех и взгляды обидны. Но скудного словарного запаса седой Ашы не хватает, чтобы ответить на мои вопросы. Может она не хочет говорить. Я узнаю лишь, что поселение это принадлежит «людям Ши», что земли вокруг тоже их, а если кто нападет – «убьем». Что за горами – большие крепости и страшные воины, туда лучше не соваться.

Прихожу к выводу, что все таки в том же мире, где и прежде была.

Ах да, попала я к ним этой ночью, упав с неба.

– Дар, – несколько раз довольно кивает старуха и похлопывает меня по плечу.

Я же все больше мрачней.

Понижение моего статуса с каждым часом пребывания в этом мире откровенно пугает.

Сначала жена какого-то жителя крепости, потом – дань для господина, дальше – больная баба. А теперь подарок неба для дикарей...

Но это я только предполагаю, что упала на дно. Вечером снизу стучат. В хижину вваливается несколько женщин из племени и начинают меня крутить так и эдак – подкрашивать краской лицо и плечи. Раздирают волосы на множество мелких косичек и хвостиков, бусины туда вплетают, хихикают и подмигивают...

«Не к добру» – вот что мне думается.

Не зря.

Когда темнеет, меня выводят к костру и объявляют, что я стану женой одного из дикарей. После первой брачной ночи.

– Это как? – обалдеваю не только от повтора ситуации, но и от последовательности предполагаемых действий. – Сначала ночь, а потом обряд что ли?

– С ними – первая ночь, – тычет Аша в сторону четверых мужиков самого неприятного типа. – Потом ты выбрать муж кто.

– И... к-когда это надо сделать? – сглатываю и отступаю

– Сейчас, – довольно кивает старуха, а все вокруг кричат и радуются.

– М-мамочки, – крепко зажмуриваюсь от ужаса. И слышу веское.

– Мамой тоже ты быть...

А до меня вдруг доходит, почему я вообще оказалась в такой ситуации.

Про «щедрость» Вселенной

Я вспомнила вчерашний вечер. Нормальный, обычный вечер накануне моего «попадания».

Мы с подругами нарядились так, чтобы всем и всё стало понятно, и пошли в бар. Бармен предложил брать сразу бутылками, оценив наши платья.

«Не влезай – убьёт» в исполнении находящейся в процессе развода Машки.

«Ты молодец, ты постаралась, но одна баба сегодня решила всем доказать, что ее бывший сильно ошибся, бросив ее, так что у тебя без вариантов» – от Настасьи, совсем не несчастной матери-одиночки.

«Часики-то тикают» – это мое. Короткое и блестящее.

Речь, понятное дело, пошла о мужиках. В таких ситуациях о мужиках или плохо – или никак, потому уши горели не только у тех, кого мы упоминали в своих разговорах, но и у всех окружающих. В наших обсуждениях было все. Тёмное прошлое, бурное настоящее, а после второй бутылки вина случилась даже какая-то надежда на светлое будущее.

За что мы там пили, идиотки?

За то, чтобы все мужики хотели нас в жены, а мы такие пальчиком показывали – этот ходи, а этот уходи? «За право выбора» в одном из тостов, во всяком случае, точно звучало. За то, чтобы рвали друг у друга право провести с нами ночь? За то, чтобы из постели не вылезать?

Вот. Пожалуйста. Прямо как обещали в какой-то передаче: если сильно чего-то захотеть, Вселенная постарается. П...ц постаралась в моём случае. Выбирай – не хочу. "Не хочу" в данной ситуации – главное. Потому что передо мной четверо одиноких и жаждущих брака, но при этом лохматых с гнилыми зубами и жутким взглядом. Из собственности в лучшем случае конь и хижина. Из навыков – резать ножом и тыкать копьем. Мускулистые и жилистые – этого не отнять. Но на мускулах, покрытых грязной кожей, достоинства и заканчивались.

Как это планируется – все вместе или поочередно? И дальше, как в анекдоте. Дракон из командировки возвращается и мне такой: «Дорогая, как ты могла!». А я лежу в окружении четырёх дикарей и лепечу виновато: «Это вовсе не то, что ты думаешь!»...

Господи, что за дурь от нервяка в голову лезет... не важно, вместе или по очереди. И спрашивать не собираюсь, потому как одинаково ужасно будет. И если в относительно приличном замке в покоях с невинной девицей толпился народ, то дикари точно не будут отворачиваться...

Нет уж. Я не согласна. Я в горящий замок зашла, дракона на скаку остановила – и с этими справлюсь.

Зажмуриваюсь на мгновение, чтобы с силами собраться... А в следующий момент с громким криком подскакиваю к ближайшему дикарю и снимаю у него с пояса короткий меч. Не слишком тяжелый, кстати. Хотя в этом мне везет. Разворачиваюсь и бегу прочь от костра, что есть сил. Как никогда не бегала. Не обращая внимания на то, как ранятся ступни.

От внезапного мужа-предателя ушла, от противного господина ушла, и от вас, дикари, тоже уйду!

«Шмяк»

Местный рельеф оказался против Наташи. И подсунул мне под ногу камень, о который я больно ударяюсь пальцами, а потом падаю вперёд, на коленки. Переворачиваюсь быстро, вскакиваю, меч-нож выставляю вперёд, потому что сдаваться не намерена.

– Не подходи! – ору своим потенциальным мужьям, которые всей толпой за мной и побежали. И друзей еще привлекли. Ну и пусть мы говорим на разных языках – по лицу и позе все понятно! – Кто первый подойдёт – того точно чего-нибудь лишу! А потом себя лишу жизни!

И вообще, я страшная женщина. Не в том смысле, что внешне – внутри. Колдунья! Щаз как наведу порчу! Щаз как вы все в припадке зажёётесь! Абра кадабра буууу!

Останавливаются.

А я решаю закрепить эффект. Исполняю что-то среднее между шаманским танцем и хип-хопом, повизгивая и причитая, ну и тыча в них пальцами, как припадочная.

Отступают.

Я ещё более угрожающую гримасу делаю и лезвием сильнее размахиваю.

И ещё два шага назад всей толпой.

Работает? Работает! Надо было раньше использовать этот способ...

Ой.

Мою руку с ножом перехватывают, а меня притягивают к крупному мужскому телу. И дикари вдруг падают на колени.

А я выворачиваюсь и вижу уже знакомого бородача. Позади него – уже знакомого жуткого дракона.

– Ты что... правитель вот этих? – спрашиваю изумленно. Ну а как еще объяснить то благоговение, которое испытывает племя Ша?

– Больная баба, говорил же, – вздыхает и качает головой.

Сволочь какая! Какой! Сбросил меня – иначе как я с неба упала бы? – улетел, а теперь вернулся внезапно и оскорбляет меня!

– Ты бросил меня одну! – рычу. И всхлипываю одновременно. Мне срочно нужен рехаб на двадцать восемь дней. Чтобы подлечить нервы. Можно на груди этого мужика. Потому что из всех, кто мне встретился за эти сутки, он и дракон выглядят самыми нормальными.

– Ещё бы я тащил всякий хлам в дом, – бормочет обидно.

– Но ты вернулся, – я готова обнять его. Не понимаю, чего я так ему рада? Но рада до жути.

– Ты понравилась моему дракону, – сообщает неожиданное.

Дракон согласно рычит и качает башкой своей, я пугаюсь этого движения, отшатываюсь, одновременно повисая на шее бородатого, и мы как-то неловко заваливаемся. Так что он оказывается сверху. И я чувствую в области своих бёдер то, что чувствовать при таких обстоятельствах вроде бы не должна...

– Хм, – говорю бородатому, – а что именно ты называешь «своим драконом»?

Не знаю, как для всех остальных, но для меня это самое эпичное молчание в жизни.

Молчат коленопреклоненные дикари.

Молчит дракон. Не курлычет, не рычит. Не шевелится даже. И хорошо – краем глаза я вижу его лапищу возле собственной головы.

Мужик тоже молчит. Смотрит только на меня суровым, пронизывающим взглядом, в котором даже некий упрек чувствовался.

А я что... а я все сказала и теперь тоже молчу.

Первым не выдерживают люди Ша. Не вставая с колен и опасливо поглядывая на ящера, они принимаются визгливо то ли ругаться, то ли уговаривать. И на меня пальцами показывать. Даже факелы притащили, чтобы лучше было меня видно – вон она типа какая. Им принадлежу.

Бородатый слушает молча.

Уже стоя.

Ну да, слез с меня.

И хмуро.

У него вообще ровно два выражения лица. Хмуро – раздраженное и хмуро – пренебрежительное. Сейчас пользуется первым. А потом говорит несколько слов негромко. Негромко, но веско – дикари и затыкаются.

И... глазам не могу поверить, убираются прочь!

– Что вы им сказали, что они уходят? – не могу не влезть. Меня напрягает, насколько я не понимаю происходящее. Мало того, что мир новый, так еще и традиции. И мне толком не объясняют ничего!

– Что ты принадлежишь дракону, он тебя не дарил, а... выронил, – снисходит до меня. И отворачивается. – А это племя поклоняется драконам.

Выронил, угу. Сам прям отцепил от себя кандалы и выронил... Но накалять обстановку сейчас не в моих интересах.

Я не знаю, что значит «принадлежать дракону», почему меня бросили здесь и зачем на самом деле вернулись, но конкретно в данный момент времени выбор между этим Карваром с драконом и четырьмя потенциальными мужьями очевиден.

И начинать очаровывать, похоже, надо с дракона. Того, который большой.

ТЬфу, опять идиотские мысли лезут в голову...

– Такому чудесному дракону очень приятно принадлежать, – разворачиваюсь я к ящеру и заставляю себя остаться на месте, когда его лобастая башка в мою сторону выдвигается.

Страшно так, что коленки трясутся.

Он огромный. Высотой в два этажа наверное, ножищи как столбы, когтищи строго в ряд... С шипами. С зубами. С крыльями. И цвет такой... Я его второй раз вижу и снова ночью, но шкура, покрытая чешуей, мне кажется черно-красной. Опасной, как и он сам.

И мне, похоже, надо все это если не полюбить, то хотя бы принять и перестать бояться...

Потому подхожу осторожно и, зажмурившись, аккуратно кладу ладошку где-то между ноздрей чудища...

Мамочки!

Оно дышит! И как наждачка...

– Хороший дракоша... – говорю шепотом.

– Хватит болтать – полезай наверх, – бурчат сзади, – Ногу ставь, я помогу.

А я внезапно вспоминаю, в каком виде стою перед ним.

На груди у меня типа верх от фартука, на спине – узоры. Ноги голые, подобие кожаной юбки, собранной из кусков, бедра может только прикрывает и под ними ничего.

И как-то не хочется, чтобы на это ничего пялился бородатый, когда я ногу задеру...

– Я сама! – пишу.

– Как знаешь, – говорит еще грубее и моментом оказывается наверху.

Блин.

А мне как?

Осторожно хватаюсь за выступающий отросток и, используя топорщащиеся чешуйки как лестницу, тоже наверх заползаю.

Больно и страшно.

Больно – потому что чешуя остро-твердая. И голые ноги моментально покрываются ссадинами.

А страшно...

Вот вы на слоне сидели? Я как-то пробовала в Таиланде. А теперь представьте, что слон в два раза больше и взлетать собирается.

Слава Богу наверху какая-то попона и ремни. И мужик. На попону хоть уместиться можно, стараясь не думать о гигиене и что ты без белья. Ремнями – обвязаться. За мужика – схватиться. И...

– А-аа! – не могу сдержаться, оказавшись в воздухе.

Когда я на дракона упала случайно, не успела ничего понять толком. Быстро приземлилась. Когда летела второй раз – без сознания была. Но сейчас...

Это кошмар. Дикий, первозданный кошмар, который увлекает тебя в самое неизвестное.

Я изо всех сил цепляюсь за кольчугу и ремни, приказав себе не терять сознание от страха. Не хочу снова очутиться неизвестно где. Я запрещаю себе орать – вдруг Карвар этот рассердится опять и не посмотрит, насколько я его драконам нравлюсь. Так, поскуливаю. Я зажмуриваюсь, несмотря на ночь, и даже не пытаюсь смотреть, как звезды пляшут.

И молюсь всем известным богам.

Неудивительно, что дикари дракону поклоняются. Дракон – это... что-то за пределами осознаваемого. Скорее удивительно, как мужик с этой махиной, которая и пламя исторгнуть может, и крылом лишит головы – молчу уже про зубы и когти – обращается как с домашней зверушкой.

Полет длится бесконечно. Я даже не верю, что он заканчивается. Понимаю, что мы никуда не летим, только потому что драконовладелец снимает с себя мои онемевшие руки и спрыгивает вниз.

А я... я сползаю осторожненько и на последнем метре просто валюсь кулем.

– Курлык, – или что-то типа того говорит «птичка» и поддевает меня лобастой башкой. Типа хвали давай.

– Я бы похвалила, но рук и ног не чувствую. Вот отойдут...

Пока отходят, пока по морде, зажмурившись, глажу, мужик окончательно растворяется в темноте. И я обнаруживаю себя в гордом одиночестве – не считая дракона, который, кажется, приготовился спать – на верху башни.

Ногой топаю раздраженно:

– Вот что за дурная привычка – бросать меня одну неизвестно где!

И это не только к Карвару вопрос.

У меня была одна надежда. Что бросили меня на этот раз хоть в сколько-нибудь приличном месте. Где никто не будет тащить меня немедленно в постель только потому, что я желания Вселенной паршиво загадываю.

Может предполагается, что я буду жить... хм, в гнезде? В слабом свете Луны – спасибо хоть обычной, а не так, как на картинках фантастов, где десять штук и все разные – это всё на гнездо и похоже. Круглая площадка, за которой темнела неизвестная местность – потом посмотрю, если у меня будет такая возможность. Наваленные в одной стороне камни, бревна и ковры. И дракон, который на всем этом калачиком сворачивается и затихает...

– Слушай, – говорю то ли ему, то ли себе, – А ты разве не должен жить в пещере, тащить туда сокровища, а не всякую гадость и бревна, и подкармливать меня тушами животных?

Дракон на этот вопрос не отвечает.

Притомился, наверное, меня спасать.

– Ну я пойду? – уточняю с сомнением, – Я же не должна здесь с тобой жить, раз тебе понравилась?

Ответный храп я воспринимаю как слово «нет»

Вот и ладненько. Значит и правда можно идти. Тем более, что я разобралась, куда – с одного края есть что-то типа лаза, ничем не прикрытого, и там лестница вниз начинается. При чем даже подсвеченная. Не факелом... не знаю, что дает это небольшое, но ровное освещение, будто сами камни сияют, но разбираться мне с этим и не хочется пока.

– Надеюсь ты не радиоактивная, – вздыхаю, потрогав светящуюся стену.

Хочется зарыться в какую-нибудь норку и выспаться. А завтра, когда наступит новый день, уже разбираться с новыми обстоятельствами.

Какое-то время я спускаюсь по винтовой лестнице. А потом бесстрашно шагаю внутрь крепости. Или замка.

Внутри так себе.

Затхло, сыро, камни чуть светятся, заброшенные комнаты полны паутины, иногда попадает мебель или еще какие предметы интерьера, и нигде нет ощущения чего-то жилого.

Или живого.

В общем, очень много места и комнат, которыми никто не занимался, и совсем нет людей.

– Ты всех сожрал или они сбежали от твоего паршивого характера? – задаю я вопрос в никуда, вовсе не имея в виду дракона.

Дальше иду.

Ногам прям холодно. Я же босиком – никто мне так и не предоставил обувь. Саднят царапины и периодически наступаю явно на какую-то гадость. Плевать. Зябко от сквозняков и от того, что нигде не горит огонь – хотя что-то типа круглых каминов, изнутри испачканных в золе, я видела. Хорошо хоть не в полной темноте брожу наощупь, а то совсем как в фильме ужасов было бы.

Спустя какое-то время – то ли замок действительно огромен, то ли я просто плутала – я нахожу то, что можно назвать относительно жилой частью.

Здесь чуть чище и больше мебели.

И от этого даже чуть теплее.

–Здесь и останемся, – шепчу и зеваю во весь рот.

Надо найти любую кровать и улечься, а то скоро прям в коридоре упаду. Мужик-то спит уже давно, наверное. А меня таскаться заставил, самой искать себе пристанище. Я толкаю одну из дверей, но она не поддается.

А следующая открывается, пусть и со скрипом.

Внутри темно – почему-то там ничего не светится – но глаза достаточно привыкли к такому полумраку. Мне достаточно слабого свечения от окна и из коридора, чтобы разобраться, что я в спальне – кровать здесь есть, огромная прям. И сундуки и даже что-то типа кресел странной формы. А на кровати – тряпки и шкуры, которые вполне сойдут за постельное белье.

Пару раз стукнувшись обо что-то и едва не упав достигаю своего лежбища, зарываюсь в покрывала и мгновенно отрубаясь...

Ненадолго, наверное. Я не чувствую, что поспала хоть сколько-нибудь, и в комнате темно, когда я снова распахиваю глаза, мало что соображая. Потому что кто-то ложится рядом, чуть ли не на меня, бурчит недовольно и вместе с моим покрывальным коконом грубо сдвигает в сторону.

Мужик.

По бурчанию узнаю.

Я пишу от страха – на большее нет сил – а он накидывает на себя шкуру и произносит вяло и устало: «Больная баба, чтоб её». И затихает. Будто на настоящее возмущение нет сил тоже. Как и на то, чтобы прогнать.

А я... А я от усталости даже двинуться не могу и сбежать. Не знаю, сколько времени и чем занимался мужик, пока я шарахалась по замку, почему не ложился. В данный момент плевать. Вместе поспим, а там разберемся.

И снова проваливаюсь в глубокий сон без сновидений. С последней мыслью, что вот между нами чего только не было – и дракон, и спасение, и кровать вон одну делим – а мы до сих пор зовём друг друга «больная баба» и «мужик».

Про поцелуй с камнем, предков и принятые решения

Когда я просыпаюсь окончательно, в комнате было совсем светло. И пыльно. Пыль буквально роится в лучах солнца, которые пробиваются через плотные портьеры, даже на вид грязные.

Так себе выглядят и гобелены, прикрывающие каменные стены, и мебель, которая хаотично загромождает довольно большую комнату. Вообще легко вообразить ее роскошь, когда она выглядит чисто-обжито-дорого-богато... Но в ней будто давным давно никто не убирался. Не проветривал. Не воспринимал как дом, за которым надоухаживать.

Может повадки дракона заразительны?

Тот вон тоже натащил на площадку всякой дряни и возлежит теперь на ней...

Кроме того, что светло и грязно, в комнате еще и жарко.

Жарко мне мужик обеспечивает.

Поверх покрывал, в которые я ночью укуталась, сложил свои руки – ноги и дрыхнет, не подозревая, что я скоро сварюсь.

Кстати, спящим он выглядит симпатичней. Морщинка меж бровей разгладилась, глазки злые прикрылись, а поджатые губы чуть ли не улыбаются...

В следующее мгновение я уже не рассматриваю его, а лежу на спине, придавленная всем его немаленьким весом. С ножом у горла, угу.

Откуда нож достал-то?!

– Я конечно понимаю, что спросонья могу напугать кого угодно... – шепчу хрипло, – Но вы не могли бы сдерживаться? Хоть немного? Мне тоже очень страшно.

Смотрит.

Мне казалось что глаза у него темные. А на самом деле – светло-серые. С коричневыми вкраплениями вокруг зрачка. Вокруг глаз – лучики. Как будто он может улыбаться. Ну или щуриться на солнце. И волосы довольно светлые, с выгоревшими прядями неровно обрезанными.

Да и вообще... Красивый мужик на мне лежит. Но опасный. А еще быстрый и гибкий. Это я без огромной чашки кофе, бодрящей зарядки и контрастного душа не могу толком разлепить глаза и шевелиться.

А он р-раз – и жизнь свою от меня защитил. Едва только очнулся. Два – и уже встаёт, нож не понять куда прячет, доспехи на себя прилаживает, прям на рубаху и штаны, в которых спал. На меня не глядя.

Интересно, зачем ему доспехи в собственном доме? И ещё более интересно... где в его доме еда и тому подобное? Раз притащил сюда – собирался же содержать как-то?

– А... – решаюсь спросить, но не успеваю.

– Комнату другую найдёшь себе. И займёшься готовкой и уборкой, пока здесь, – сообщает, так на меня и не глядя. И добавляет странное, – Потом я дракона от тебя отвяжу и пойдёшь на все пять сторон.

Почему «отвяжу», почему на пять – не буду думать об этом. Ведь это «потом». Главное, я хоть какую-то определенность и указания получаю.

Да, стать служанкой и кухаркой в огромном замке – да еще таком унылом и заброшенном – не предел моих мечтаний. Но возможность оказаться снова в степи с дикарями, или в неизвестности с насильниками или еще что – она очень мотивирует. И на уборку, и на готовку.

Я не знаю, какие у меня в этом мире права, есть ли у меня наследство из сгоревшей крепости, являюсь ли я потомком славного рода, да и вообще, есть ли у меня родственники? Может я чем-то владею, может я вообще дочь врага, да и мое понимание устройства местного общества оставляет желать лучшего.

Я могу действовать исключительно здесь и сейчас. А здесь и сейчас предполагает мое уверенное согласие на все пристойное, что может предоставить этот мужик и замок. Он не попытался мной воспользоваться, он в какой-то мере спас из лап дикарей и вообще – его дракону я нравлюсь. В нынешних условиях этого достаточно, чтобы остаться с ним.

Хотя планочка у меня, конечно, упала по сравнению с моим миром в части мужиков...

Сползаю с кровати, выпутываясь из тряпок, и киваю несколько раз. Со всем возможным рвением.

– Все-все уберу и приготовлю. Только может быть познакомимся прежде чем вы уйдете? Как мне вас называть? Господин Карвар?

И в следующую секунду я снова с ножом у горла – только уже у стены.

И снова угрожающий взгляд мне в глаза.

Бли-ин, да чего я опять не так сделала, а?! Чего он нервный такой?!

– Ты не знаешь, кто такие Карвары, почему племя Ша поклоняется дракону и стоишь спокойно под драконьей пастью... Ты не больная женщина, ты – другое. Кто ты, тварь? Тебя прислали с изнанки мира? Как ты сумела подобраться ко мне и привязать дракона?!

Знаете, если часто угрожать кому-то, то этот кто-то перестанет реагировать на угрозы.

Мужик рычит мне в лицо, сталь возле горла держит, а я... а я как-то даже отрешенно думаю, может поцеловать его?

Не от внезапно вспыхнувшей страсти... но достал уже! Чуть что – сразу за нож хватается, угрожает, оскорбляет, губы свои дует... вот ткнусь в эти надутые губы своими, чтобы как-то истерику его прекратить – и будет знать!

Надо же его хоть как-то отвлечь... Была не была. Как можно мягче нож от горла отстраняю, за рукав его потянув, и сама тянусь. К нему.

Поцелуй – это, конечно, вариант без гарантий. Мужик-то с тараканами... и драконами. Может подумать, что изнаночная тварь решила выпить его душу. Но я рисковая по жизни. Пусть в этом мире рисковать приходится в самом жестком варианте: пан или пропал. Или попал...

Прижимаюсь к его губам. Зажмуриваюсь. Дышу часто-часто. Это только говорят, что перед смертью не надышишься. Попытаться-то можно.

Губы у него плотные, сухие, выпуклые. Мужские очень. И было бы замечательно с ними по-настоящему, по-взрослому целоваться, точнее с ним, но...

К статуе губами прикасались? Вот и я первый раз. Не холодный мрамор, конечно, но мужик не шевелится. Ни одной частью своего лица. И не дышит, похоже. Замер.

Даже когда холодное и неживое мороженое облизываешь, оно тает хотя бы, а у этого...

Кремень, а не Карвар.

Аж обида берет. Вот честно, если бы не вчерашняя история с драконом в его штанах, подумала бы, что вообще его не привлекаю. А у меня с самооценкой пока так себе. Хоть все здесь в очередь выстраиваются в попытках уложить в постель.

Я прихожу к выводу, что это глупо – елозить губами по человеческому камню. Потому бросаю бесполезные попытки, отодвигаюсь и поднимаю веки.

Глаза у мужика стеклянные – он как в ступоре. Будто поцелуй мой – яд, и он им отравился до полного столбняка. Я таких эмоций от моих поцелуев не видела, это вообще нормально? Может быть такое, что из-за того, что я из другого мира, на мужиков этого я странно действую? Или он девственник...

Нет уж, лучше первое.

Растлительницей я себя точно не хочу обнаружить.

Но пока дышит и молчит, не пытается убить, надо хоть какую-то легенду донести. Объяснить свою ситуацию, только без подробностей и правдивых упоминаний. Может для мест-

ных другой мир и есть изнанка. И «тварями» они попаданцев называют: не за внешность, а по злобству. Так что в лишнем не хочу признаваться.

- Я никого не привязывала специально, – сообщаю тихо и спокойно. Монотонно даже. В конфликтах, если занимаешься уверенную спокойную позицию, отвечаешь вежливо и миролюбиво, гораздо проще договориться, – Просто я хоть к людям, хоть к драконам по-человечески отношусь. Не ору, кинжалом не тыкаю, по морде чешуйчатой не бью – вот ко мне все и привязываются. А не знаю ничего, потому что маменька и папенька меня в башне держали, толком ничего не видела. Нигде не бывала. Потом дыма наглоталась, дракон по голове ударил – память совсем отшибло. Так, смутно о детстве, немного о свадьбе, вон люди Ша запомнились... Не тварь я. А молодая и очень напуганная девушка. Вполне живая. Ну вы поняли...

Это я на поцелуй намекаю.

Намёк принят, судя по тому, что статуя оживает и отодвигается:

– Хватит... Хватит, изнаночница... – говорит хрипло и отступает. Взгляд отводит.

– Да не с изнанки я, – бурчу.

– Ну да, там таких тварей вроде не водилось... – это он мне комплимент сейчас сделал или оскорбил? – Ладно. Живи пока. Позже разберусь, что с тобой делать, сейчас и так много всего.

Чего «всего» я не понимаю. И выпросить не успеваю – мужик, видимо, совсем занятой. Напоминает мне про то, чтобы жилье другое поискала, про готовку и уборку, и растворяется на бескрайних просторах замка.

– Где кухня-то? И я есть хочу! – выскакиваю за ним следом в коридор, – Где метлы там всякие и тряпки найти?

И правда растворился. Тут за угол зайдешь и пропадешь...

– Так, – вздыхаю – Так-так...

Придется самой все обследовать. Зря я что ли риэлтором работала? У любого строения есть логика и не мне ли эту логику знать? Разберусь и с комнатой и со всем этим строением.

Но сначала...

– Платюшко, – восхищенно выдыхаю, подняв запыленную крышку одного из сундуков. – Ну или рубашка с фартуком... Ой ладно, без разницы.

Не так уж и волнует, что я напяливаю не привычную одежду, а очередную ночную сорочку. И поверх – кожаную штуковину, похожую на фартук мясника, в который можно дважды обернуться.

Мясник в нем уже работал, судя по пятнам.

Но все лучше, чем дикарские нашлапки.

Не так уж и ужасно, что кожаные полусапожки из того же сундука, набитого затхлым шмотьем, велики мне размеров на пять. Мягкая ткань в виде портянок отлично справляется с этой разницей.

Вода в тазу сомнительной чистоты?

Тоже переживу.

Дырка в полу за загородкой после того, как я снимаю крышку, не оставляет сомнений, для чего она предназначена?

Можно нос зажать.

В общем, из спальни я выхожу очень даже довольная. В обновках.

А когда нахожу через дверь похожие покои, необжитые – становлюсь еще более довольная. Пусть даже слуги не живут в подобных местах – не важно. Мне не указывали, какую именно спальню себе брать, значит воспользуюсь той, что мне понравится.

На этом этаже оказывается семь комнат. Три заперты, три – спальни. Былая роскошь чувствуется в каждой. И седьмая, которую я определяю как музыкальный салон. Посередине инструмент, похожий на синтезатор, только не от электричества, и засунутый в резную дере-

вянную коробку. Продавленные диванчики. Книжный шкаф – на книги я смотрю мельком, но решаю, что с пищей духовной стоит обождать, пока не поем нормальную. Да и неизвестно, могу ли я читать и не рассыпятся ли страницы.

Все двери выходят в довольно широкий коридор, по обеим сторонам которого лестницы. Одна наверх – и, по ощущениям, ночью я по ней сюда и пришла. То есть там галереи, заброшенные залы и дракон.

А одна – вниз. И всякие кухни и хозяйственные постройки по логике вещей должны быть где-то там. Как и выход на улицу.

Мой выбор очевиден.

Я решительно начинаю спускаться... но этажом ниже меня ждет сюрприз...

– А-аа! – верещу, убегая от внезапно появившейся светящийся дряни.

«Пиу-пиу-пиу», – издевается полупрозрачный сгусток и пытается меня догнать и сожрать.

– Спасите! – ору неизвестно кому, буквально слетая по лестнице вниз... и ниже... и ниже... Да хоть под землю в местный Ад, только бы не попасться этой штуковине в рот! Если у нее вообще есть рот.

«Ш-ш-ш», – шипит еще один сгусток, большего размера и более прозрачный, возникший из ниоткуда – буквально из стены! – и бросившийся вслед за мелким.

– Не трогайте меня! – визжу на самой высокой ноте, вбегая в что-то, что я мельком определяю как холл. Запущенный, как и все здесь. А потом, толкнув массивную дверь – на улицу, на крыльцо.

Дневной свет бьет по глазам, а я сама ударяюсь обо что-то большое и твердое...

Мужик! Родненький!

– Т-там... т-там... – заикаюсь и тычу пальцем в сторону двери, откуда выбежала. Другой рукой вцепляюсь в мужика, только бы он не ушел и не оставил меня один на один с этими смертельно опасными штуковинами. Которые исчезают, между прочим...

– Что. Там? – уточняет он и пытается оторвать от себя.

Фигушки.

Не оторвешь.

– Летает. Пищит. Прозрачное. Страшное. Убить пытается! – выдаю скороговоркой все данные.

– В твердыне?

Ой, а попроще не мог свой замок назвать?

– Да!

Ему все таки удается отстранить меня и заглянуть мне в глаза. Не знаю, что он там видит, но на его лице проступает какая-то бесконечная усталость и жалость. И в голосе это же сквозит, когда вздыхает:

– Только не говори мне, что в твоём родовом гнезде предки не живут.

Я только и могу, что глупо хлопнуть глазами.

Но сама же не глупая...

Предки – это кто-то, кто давно умер.

Если живут – это как бы умер, но часть осталась.

И эту часть у нас на Земле привидениями называют...

– П-привидения? – облизываю пересохшие губы.

На мгновение переводит взгляд на них и тут же к глазам возвращается.

– Не оскорбляй предков простонародными названиями, – морщится.

Привидения, значит.

А-ааа!!

Я глубоко и часто дышу, стараясь вернуть себя в состояние оптимистичного равновесия, в котором мне удалось оставаться аж целый час в течение этого утра. А потом пишу, всматриваясь в него:

– П-почему... почему они хотели меня уничтожить?

– Уничтожить – вряд ли, – сообщаетс усмешкой. – Может играли, может напугать хотели. Или пошутить. Ты так громко верещала, что даже я вернулся – а им одно удовольствие.

– Еще бы не г-громко...

– Они с деревенскими, бывает, так и играют. У тех тоже предки в домах не задерживаются. А твердыня велика. Насколько мал и убог был твой дом, если ты с ними не сталкивалась? А ведь крепость предателей, наверняка, переполнена... Так ты деревенская или благородная? Чьего рода? Или ты даже этого не помнишь?

Он замолкает, задумчиво меня разглядывая. Прямо чувствую, что с языка у него снова готовится сорваться что-то вроде «больная баба». Не позволяю.

А то достало уже это прозвище.

Да и думать долго ему вредно.

Перехватываю инициативу:

– Может не помню, может не было ничего, что помнить стоит, – бурчу и отступаю назад. Но возвращаться не спешу в «твердыню». – Голова кругом от голода и вообще... всего. А предки так неожиданно на меня напали, что я не сдержалась. Как мне убираться и готовить здесь, если будут вот так вот из-за угла вылетать, а?

– Справишься как-нибудь, – пожимает плечами и снова замыкается. Блеклый интерес и жалость, которые я в нем распознала, растворяются в хмуром равнодушии. – А не справишься – я тебя не держу. Я тебя не звал, дракону угодить решил, и вот понимаю, что зря. Слишком много хлопот с тобой...

Обидеться бы на это, но не стоит. И правда много хлопот, если с его точки зрения посмотреть. Жил да был мужик, с драконом, запущенным замком и привидениями, жил как хотел, и вот я приперлась – то кандалами себя к дракону прикую, то в него вцеплюсь, то ору, то кровать занимаю, то облизать пытаюсь... Подозреваю в нашем средневековье меня бы давно уже прикопали за подобные наглости, а этот по каким-то причинам еще терпит и даже дает надежду на будущее. В виде немых, наверняка, котлов и пары тонн мусора.

– Я вам благодарна, что не гоните, – выдаю совершенно искренне, – Идти мне некуда. И я постараюсь быть полезной.

Передергивает плечами явно с сомнением. И разворачивается, чтобы уйти.

– Меня Наталина зовут! – говорю ему вслед, – Имя свое не забыла. А... вас и вашего дракона как?

На лице мужика обернувшегося снова вселенская тоска от моей тупости. Блин, кажется мне вообще не стоит ни о чем его спрашивать. Каждый раз это не к месту...

– Имя дракона только всаднику может быть известно, раз ты и это позабыла. А мое тебе без надобности должно быть.

– Но как-то же надо к вам обращаться... Когда ужинать буду звать, – тушуюсь.

– Достаточно будет «Ваша Светлость», – бросает через плечо и уходит к стоящей метрах в двухста длинной одноэтажной постройке.

А я стою слегка пришибленная новыми данными.

«Ваша Светлость» – это же принц? Ой нет, там «Ваше Высочество»... Тогда кто? Впрочем, здесь ведь совсем другая грация лордов может быть... Но то, что благородный и богатый род – ну или был богатым – это точно. С предками, драконом и твердыней. И «светлость» – точно «всадник».

Что еще я поняла из его немногословных фраз?

Что прежде находилась в крепости «предателей». Но это сомнительная затея, делить сейчас на плохих и хороших. В феодальном обществе, в которое я попала, наверняка тысячи враждующих между собой лоскутков земель, может даже королевства, где-то дикари остались. Воюют по очереди друг с другом – и каждый считает себя правым.

Что чем больше дом – тем больше предков. Не факт, что здесь только два.. Но раз привидения местные просто наглые и с поганым чувством юмора, а не пожирающие хороших попаданок – как-нибудь с этим справлюсь.

Что помогать мне никто не собирается. Надо самой освоиться, если хочу хоть сколько-нибудь пожить в твердыне и разобраться с ситуацией в целом. Тем более, что в таком месте у меня явно больше шансов хотя бы начать поиски путей возвращения домой.

О том, что вернуться я не смогу, даже не собираюсь думать.

Как и о том, с чего это мужик так лоялен ко мне.

Мысли материальны, как выяснилось. Вдруг если я буду усиленно такие гонять, он тоже задумается? И погонит уже меня прочь?

– Ладно, – вздыхаю, кошусь на темнеющий проем, за которым пока вроде ни одного предка не видно – надеюсь на улицу они не летают – и спускаюсь с каменного крыльца. – Еда подождет. Раз уж оказалась на улице, надо осмотреть хоть немного свое новое место жительства.

Про тайны замкового погреба

Твердыня оказалась... твердыней.

Может потому так и называлась? Что вырастает из огромной твердой скалы?

Складывали ее из камня, конечно, но в основе своей она имела гору, уходящую далеко вниз... в чем я убеждаюсь, когда я дохожу до конца площадки возле входа.

То, что я приняла ошибочно за одноэтажную постройку, оказывается гигантским ограждением – амбаром, расположенным по периметру двора на головокружительной высоте.

Внизу – пропасть, вокруг – горы, сверху – небо и птицы...

– Это что же... сюда только на драконе попасть можно? – сглатываю, осознавая, в насколько действительно пустынном месте я оказалась.

Замок будто выбит из каменных основ и возвышается надо мной на высоту с пяти-шести-этажный дом, а некоторые остроконечные башни – еще выше. Площадку с драконом со стороны главного входа – а это, по виду, именно он – не вижу. Как не могу охватить взглядом и все строение. Я слишком близко к нему...

Чтобы увидеть его целиком, надо точно взлететь.

Но я могу оценить и красоту конструкции, и то, насколько цельно и продуманно все выглядит, более того, точно понимаю – он не только вверх поднимается, но еще и в стороны раздается, а есть лестницы и на нижние площадки...

Безлюдный. Безумно красивый.

И просто безумный.

– И как тебя, такую красоту, бросили? – недоумеваю. А потом стону горестно. – Да как я тебя убирать должна, а? У меня год займет только все помещения обойти...

Нет. «Всё» убирать я не буду конечно. Ограничусь используемым набором комнат и всякими подсобными помещениями.

Правда я тут же озадачиваюсь еще несколькими вопросами.

Как сюда привозят еду? На драконе?

Вспомнив, что меня тоже привезли на драконе, ежусь.

Как совладать с привидениями? А лучше подружиться?

Надеюсь они не читали про Кентервильского коллегу. Попробую с ними договориться словами через рот. Я еще по работе уяснила, что старшее поколение лояльно к вежливым и милым девочкам.

Но главный вопрос... здесь и правда никого больше нет, кроме мужика и дракона, или я просто в такой громадине не встретила еще? С одной стороны, чем меньше людей вокруг, тем больше неизвестности и их реакций. С другой, оказаться в компании только лишь Робинзона и его Пятницы...

Ну так себе.

Хочется немного исследовать все и похныкать от ужаса, только желудок уже не просто урчит, а болит от голода, и я решительно направляюсь назад. Прямо в те двери, в которые меня погнали предки.

– Добрый день, – говорю громко и осматриваюсь в холле. Он большой – как и все здесь – пустой, пыльный и почти ничем не украшен. Только по всей передней огромной стене развешены мечи – довольно необычно, остриями вниз, будто составляя какой-то посыл. Причем те, что сверху, выглядят так, что скоро трухой просыпятся. А нижние – совсем новенькие.

– Я – Наталина, – сообщаю еще громче, а потом решаю не надрывать. Если у предков есть мозги и слух, они и так подлетят и услышат, что надо. Потому перехожу на нормальный тон, – Я пришла по приглашению дракона, меня обижать нельзя. Попробую навести порядок, может и вам повеселее станет... А-аа!

Последнее вырывается невольно.

Потому что синеватый сгусток вылетает прям из стены передо мной, проносится в метре от моего лица – я шарахаюсь, естественно, назад – и «ныряет» в стену с мечами.

– Да не надо меня пугать, я такого отношения не заслуживаю, – топаю ногой, – Лучше бы помогли. А то если я не поем как можно скорее, то в такого монстра превращусь, что мало не покажется! Даже приви... предкам!

И зловещая тишина в ответ.

Ладно.

По обеим сторонам холла вдоль стен – каменные лестницы, ведущие к широким проемам. По одной из них я и бежала. А еще несколько дверей.

Открываю ту, что справа

– А-апчхи, – чихаю я в сторону огромного помещения, в котором много мебели и вся она накрыта белыми простынями. И пространства тоже много, как для приемов. Вторая дверь ведет туда же – видимо во время праздников их держали открытыми.

На противоположной стене – еще две двери. За первой комната непонятного назначения, за второй – длинный тусклый коридор.

Иду туда, не раздумывая особо.

– Ага! – победно вскидываю руку, обнаружив огромную кухню. Ну прям такую... Как в шоу, где выбирают лучших шефов. Куча столов, котлов перевернутых, шутоквин непонятного назначения... Готовить здесь может поваров двадцать.

Средневековых.

– Блин, – снова выдаю со вздохом, осознавая, что для того, чтобы что-то поесть, надо, во-первых, еду найти. А, во-вторых, разобраться хотя бы с основной кухонной утварью. Ака средневековой плитой.

Впрочем, в силу профессии я вполне в ней разбираюсь.

Не то что бы прям была ценителем старины и искусствоведем, но на моем пути что только ни попадалось в Питере и в Москве. И порой приходилось самостоятельно решать, обнаруженное – это плюс или минус. Если в квартире сохранилась печь, например, или дом стоит на специфическом фундаменте.

Пришлось и литературу самостоятельно почитать и даже курсы базовой архитектуры закончить, что помогло избежать многих щекотливых ситуаций.

Так что плиту, то есть печь, я узнаю сразу.

А как иначе? Одно из древнейших представителей бытовой техники в истории человечества. Первобытный человек, который впервые вырыл в песке углубление, чтобы запечь в нем продукты, и не подозревал, как далеко заведет прогресс его изобретение.

В твердыне оказался знакомый мне – по книгам – вариант. И даже не "в черную". Когда печи не имели дымовых труб, и из-за дыма, проникающего в помещение, кухня была одним из самых грязных мест в доме.

Дымоход, сложенный из камня, нашелся на правой стене, противоположной той, на которой окна. В которых, как ни странно, вставлены стекла. Сейчас очень мутные.

Под дымоходом – каменное основание с углублениями-ванночками. На каждой решетка, чтобы ставить бронзовую утварь, уголь для подогрева внутри. Мужик пользовался всем этим, судя по обжитому виду. И дополнительное отверстие для дров, которое нагревало и камни, и уголь, поддерживало тепло в целом. Дрова тоже были. Много. Поленица с половину моей квартиры на Земле: кто-то здесь весьма запасливый, что не может не радовать.

Но...

Как это зажигать?

В голове смутное воспоминание про кремь и кресало. И добычу огня из деревянных палочек. Но ничего подобного возле печки я не вижу. Только странный железный конструкт,

похожий на фигурку дракона с хвостом-рычагом. И морда-то, морда направлена в сторону непонятной дырки в печи...

Хм.

На хвост нажимаю и едва удерживаюсь от вскрика.

Потому что из металлической пасти вырывается струйка огня и поджигает дрова... могла бы поджечь. Если бы я эти дрова туда положила.

А быт здесь веселый...

Не понятно, по каким таким физическим законам этот огонь в нем зарождается... Да и фиг с ним! Драконы, светящиеся стены, привидения, замок, выросший из скалы... Я готова принять и магию, если это сделает быт удобней.

Печь есть, огонь, вода, как выясняется, тоже – прямо в кухне расположена колонка, пусть я такими в жизни не пользовалась, но в сельской местности видела не раз. Под изогнутым краном еще и удобно расположено углубление с дыркой, полагаю, что слив.

Ну и посуда, утварь, пусть и сомнительной чистоты, но в большом количестве в наличии.

Остается только еду найти.

Кладовые?

Дверей никаких не вижу, кроме той, в которую я зашла.

Лари? Шкафы?

Мешки?

Вот ни-че-го.

Лишь травы, подвешенные над одним из столов, как в милых фильмах про викторианскую Англию. Разве что покрытые толстым слоем пыли и плесенью.

Так. Еда где? Только в том горшочке, явно вылизанном мужиком, который он бросил возле плиты?

Ополаскиваю медный котелок и кипячу себе воду, которую мой несчастный желудок принимает более чем благосклонно. А потом начинаю буквально простукивать и ощупывать все на кухне, чтобы найти съестные припасы...

Ну точно должны быть!

Никаких мест хранения не обнаруживаю, пока не догадываюсь посмотреть на пол.

– Ого... что это у нас здесь?

В полу есть дверь. Длинная и широкая. Я тяну ручку – кольцо и оттуда отдает холодом. Снова светящиеся стены – наверное свечение зависит от того, насколько вокруг темно – и лестница вниз.

Погреб?

Я, подумав, прихватываю небольшой медный таз, и вниз иду.

Бинго.

Здесь сухо, холодно и идеально для сохранения пищи. Мешки с зерном – муку, похоже, придется добывать самой из него. Ну или каши варить. Бочонки непонятного назначения, может даже алкогольного. Клубни. Гигантские по моим меркам яйца. Большие, окованные железом бочки: крышки у них забиты, не поднимешь. Но одна уже явно используется, и внутри я обнаруживаю длинные полоски вяленого на вид мяса в каком-то растворе.

Во рту скапливается слюна.

Я складываю в таз свои находки – всего понемного – и довольная иду в сторону лестницы.

Шум и тень сверху заставляют вздрогнуть...

– Эй... Кто здесь? – говорю громко, начиная подниматься по лестнице.

И вместо ответа дверь, которую я с трудом приподняла, захлопывается.

А потом, судя по звукам, на нее сдвигают что-то тяжелое.

Э-ээ...

– В-ваша Светлость? – спрашиваю с сомнением.

Но в ответ тишина.

– А можно я просто позавтракаю без вот этого всего?! – реально хнычу.

Достало уже.

Фраза: «Что ни день – то приключение» обретает совсем иной смысл.

Вот кто так по-идиотски мог поступить, а? И жестоко. Погреб – штука холодная. Даже если в бочонках алкоголь, долго я не продержусь.

Карвар? Если ему захотелось бы меня прибить, сделал бы это давно. И не таким странным способом.

Дракон, который может счел, что я ему мало внимания уделяю?

Этот в кухню точно не пролезет. Да и вообще, дракон – няша. В этом мире я в нем больше, чем в ком-либо уверена.

Кто-то еще живет в замке? С учетом размеров я тут и роту солдат могла не заметить. Но зачем в погребе запирасть? Из ревности к хозяину? Если тот вообще хозяин, а не отшельник, который воспользовался заброшенным логовом. И не захватчик, всех здесь перебивший.

Привидения? Ну, мне казалось что всякие прозрачные субстанции не могут двигать предметы. Может они конечно уплотнились и пошутить так решили, только сомнительно...

Впрочем, не важно кто. Важно – как выбираться будем?

Я ежусь. Зря вот кофточку не прихватила.

Ставлю с сожалением на пол полный таз с вкусняшками, поднимаюсь по лестнице и изо всех сил упираюсь в дверь руками.

Безрезультатно. Нужен какой-то рычаг.

Дождаться, пока Карвар-варвар есть захочет и сам придет – за едой, не за мной, к сожалению – и ничего не делать как-то странно.

Кричу и колочу в толстую деревяшку, но чувствую, что звуки тонут здесь, в этой толще камней.

Обхожу тогда погреб еще более внимательно. Тем более что глаза привыкают и свечения вполне хватает, чтобы все рассмотреть.

Стенка, стенка, стенка, ух ты ж, это на сыр похоже – а я и не заметила – мешки. Дырка довольно высоко, из нее чувствуется приток воздуха. К сожалению, проползти по вентиляционной шахте не получится – такого размера, что рука едва пройдет. Еще лари, сукно какое-то сложено... точно, обернусь в них. Уже теплее...

А вот и моя прелесть. Бочонки. Явно же с чем-то вкусненьким.

Я кошусь на запертую дверь. На бочонки. На дверь.

Выбираться мне отсюда может долго придется – так что решение принимаю быстро. Что надо все-таки подкрепиться и согреться.

Пробка выходит с трудом. Не знаю, как ее вытаскивать правильно. Делаю как могу. Жидкость под напором, естественно, хлещет потоком, и подставленный таз, из которого я все выложила пока, не особо спасает. Но попадает в него предостаточно.

В воздухе пахнет забродившим виноградом. Причем приятно.

Я осматриваюсь и нахожу несколько глиняных плошек, прикрытых крышками. Из одной порошок сыпаю мелкий – пахнет приятно, сладко. И на вкус как пыльца сладкая... Этой плошкой и зачерпываю крепленое винишко, уже чувствуя определенное удовольствие от этой ситуации. А когда еще и сыром закусываю, который остро пахнет молоком и чем-то незнакомым, а потом и сухие соленые куски мяса жую, мне становится, определенно, теплей. Сытней. И веселей.

– Может костерок еще здесь развести? – задорно хмыкаю в пространство.

Костерок – не костерок, но чувствуя себя более чем бодрячком, отдираю от полку одну доску и поднимаю с пола толстую дубину. Она возле бочки с мясом лежала – может рассол ею мешали. Ну я а использую как рычаг.

И снова иду наверх.

Мне удастся загнать в небольшую щель между полотном дверь и чуть раскрошившимся камнем доску. И потихоньку втиснуть туда и узкий конец дубины. Нажимаю на нее...

Хрясь.

Щепки летят во все стороны, а кончик обламывается.

– Ничего, – хихикаю, – Она у меня длинная.

Я снова пробую. И снова неудача.

Но это меня не останавливает.

Подкрепившись еще раз вином и едой, я возвращаюсь к своему занятию, пытаюсь то руками, то дубиной сдвинуть с места все то, что там наверху навалили, и попутно пою самые любимые песни. Во весь голос, конечно, кого мне здесь стесняться?

Смутно я понимаю, что опьянела как-то сильно и быстро, но могу этому только порадоваться. Пугаться и плакать в данной ситуации гораздо хуже. А пока пусть это будет похоже на приключение.

Так, надо подумать...

С винишком думается лучше. Так что идея прям гениальная появляется.

Я укладываюсь на лестницу у самого верха, головой вниз, и, используя себя как опору, а колени как рычаг, даю на дверь что есть силы. Потом и бью ступнями одновременно со всей возможной силой.

Что-то там дергается и сдвигается.

Вдохновленная успехами снова бью.

И еще раз...

Мне кажется, я бы сама поборола преграду к свободе. Но в этот момент раздается шум и звук отодвигаемой мебели, а потом дверь резко открывают. И в слишком ярком после полумрака погребца проеме я вижу весьма знакомый силуэт.

Сориентироваться и поменять положение, естественно, не успеваю. Продолжаю на лестнице лежать. Головой вниз. Зрелище, надо полагать, то еще. Тряпки задрались до бедер, грязные ноги в гиганских сапогах болтаются где-то в воздухе, ну а ниже – кокон из сукна, растрепанные волосы и глупая и пьяная улыбка на моем лице.

– Ваша Све-етлость! – пишу восторженно, – Пришел меня спасти-и!

Глаза привыкают к свету и выражение его лица я уже вижу.

«Больная баба» – вот что оно обозначает.

Но не говорит хоть, уже прогресс.

Я пытаюсь принять хоть сколько-нибудь вертикальное положение, только получается паршиво. И тогда мужик с мученическим вздохом подхватывает меня и вытягивает на кухню.

– А я за продуктами пошла, чтобы обед вам приготовить... хотя наверное ужин. Мы поздно проснулись и столько всего произошло... – тараторю совершенно счастливо, стоя близко от него и задрав голову. Мне очень-очень радостно его видеть. Он красивый. Он высокий. Он уже не понять какой раз спас меня! – А меня кто-то запер. Замерзла бы тут одна одишенька, труп бы мой холодный нашли и так пла-акали... так плакали!

– Пошла за продуктами, а нашла вино? – кривит свои красивые губы. Ух как поцеловать опять хочется!

– Я чуть-чуть выпила! – киваю, – Чтобы раньше времени не погибнуть. А вы... вы разберитесь. Расследование проведите. Кто вот это все устроил.

– Да что там проводить – страж твердыни, – пожимает плечами, – Он меня нашел быстро. Радовался, что поймал воришку и запер в погребе.

– Я не воришка! – возмущаюсь. – Вы мне сами поручили готовить!

– Ну он-то не знал. А я тебя не представил.

– Ага! Это вы во всем виноваты! – тычу в него пальцем. Но не слишком удачно – нога поскользывается. Или просто уже не держусь на ногах. Валюсь на него. Странно, но вместо того, чтобы отстраниться тут же, замираю. Глубоко вдыхаю, втягивая его запах. Вкусненький какой! И бормочу куда-то в подмышку, – Ну вот чего не представили, а? Я так испугалась. Я, конечно, понимаю, что меня никто не звал в твердыню и никому я здесь не нужна, но раз осталась уже, вы можете хоть... не устраивать мне такие голодные игры?

Странно, но вместо того, чтобы меня отстранить, он вздыхает и говорит в макушку, будто даже оправдываясь:

– Я не привык подобным заниматься и о такой ерунде думать.

Интересно... а чем он привык заниматься?

Какое-то время мы так и стоим. А потом я спрашиваю, так и пряча лицо на его груди:

– Так может сейчас познакомите?

Вот вроде бы странно стоим... Я же служанка. А он сиятельство и все такое. Но никто с места не двигается. Только после моей просьбы Карвар отстраняется и показывает куда-то в сторону. А я там никого не вижу. И лишь по недовольному бормотанию догадываюсь, что надо посмотреть вниз.

– Магистр Йода... – распахиваю в шоке глаза, – Ты существуешь!

И тут же рот зажимаю себе. Чтобы пару фраз из "Звездных войн" не сболтнуть. Потому что выражение лица у стража такое, что он сейчас световой меч и достанет. Чтобы отрубить мне голову.

Просто это существо... домовой? Он и правда на Йоду похож! Зеленоватая кожа, сморщенное лицо, длинные заостренные уши и рост не больше метра. Одет по человечески, правда, в мини-костюмчик и кожаные доспехи. И явно не рад, что я не воришка и меня не надо казнить.

Шипит в мою сторону:

– Я Борн, а не Йода. И уж тем более не смей меня магистром обзывать, служка.

Блин.

Похоже мы не поладим.

И что ему в слове "магистр" не понравилось?

Вот как так? Предки против меня, и домовой... то есть страж. Никто меня не лю-юбит...

Губы кривятся в гримасе, а из глаз начинают капать слезы. Зеленый человечек закатывает глаза и едва ли не делает жест рука-лицо, а вот мужик уточняет:

– Баба... а ты точно только вино пила?

– Ы-ыы... – такие перемены настроения пугают даже меня, но остановиться я не могу. Слезы превращаются в рыдания, – Я Натали-ина, а не баба! Я говори-ила...

– Ну Наталина, Наталина, – отступает от меня мужик и морщится. – Все, с Борном вы познакомились, можешь заняться наконец делами. И перестать уже мешать мне заниматься своими.

– Не могу-у, – усилием воли останавливаю свои рыдания. – Как я туда опять сегодня спускаться буду? У меня травма теперь, мне страшно!

Карвар выдает явное ругательство. Длинное и полное незнакомых терминов. Но рукой машет, типа что с тебя взять, и сам идет вниз. За продуктами.

– Я потом все уберу там! – кричу запоздало.

– Ты высыпала в вино сушеную траву – дурилку?! – кричит он оттуда со смесью ужаса и какого-то даже восхищения.

Я вспоминаю плошку, которую я не помыла – нечем было – и свои непонятные ощущения от небольшого вроде бы количества вина. И до меня доходит...

– Ну чуть-чуть может быть попалось... Я случайно! Я вообще не знала про такую траву! – чувствую смущение. И, кажется, начинаю трезветь.

Что я тут натворить успела?! А если бы больше «попалось»?

– Всё, прилетели, – сплевывает Йода... то есть страж и смотрит на меня заинтересованно и мрачно, – Твердыне конец.

Глава, в которой Наташа обживает и находит себе психолога

– Ты не представляешь, что они устроили! – сама привычно устраиваюсь возле теплого брюха и начинаю свою исповедь, которая предполагается сегодня долгой. А как еще? Драконница и его хозяина несколько дней не было, вчера прилетели, а у меня за это время столько произошло! – Когда я тащила вечером поднос со всеми ништяками в покои Его Светлости – между прочим ради этого ужина не поленилась освоить приготовление в духовке, то есть в печке! – то вылетели внезапно из-за поворота всей толпой. Все четверо предков! И ладно вылетели – но они пролетели сквозь меня! Еще и жутко гогоча или что они там делают своими эфирными... Я честно была стойкой, не визжала даже когда напали, но когда в меня провалились, а потом вывалились... Буэ-э. Естественно, я поднос выронила. И все горячее: и мясо, и клубни, и эти классные круглые штуки, которые так похожи на грибы, и вино подогретое в кубке – всё на мне оказалось. А светлость противная нет бы на предков поругаться, только выглянул из спальни, меня надменным взглядом окинул и говорит такой: «Полагаю, было вкусно» – и снова заперся! Ужас. Я и не знаю теперь, что такого сделать, чтобы они перестали надо мной издеваться, привидения мерзкие!

– К-ха-а, – отвечает мне няша-дракон и открывает пасть.

– Спать? – задумываюсь. – Не, не получится. Огонь сквозь них пройдет, в итоге они – без повреждений, а половины этажа как не было. Карвар нас за это не похвалит.

– Угх, – согласно вздыхает ящер, исполняющий роль моего психолога. По совместительству с подругой.

А я продолжаю жаловаться. Без этого совсем тоскливо бы было: а так вроде выговорился – и с новыми силами в бой.

– Я уже и подношения им всякие делала. Молоко ставила. И договориться пыталась. И узнать их имена, чтобы какие может ключики найти в их прошлом... Ничего не помогает. То выскакивают, когда я моюсь – и явно отпускают какие-то похабные шуточки, хоть я и не понимаю их писка! То как матрешки один в другого влетают, из-за этого непрозрачными делаются почти и мешают мне готовить... А ночью как они меня однажды разбудили? Если бы кто в этом замке жил, поседел от моих воплей! Я сама чуть не поседела. А Йода... то есть Борн. Лишь усмехается и делает вид, что все идет как надо. Хотя я прочитала в книге, что страж обязан всех обитателей твердыни защищать. Сказала ему это. И знаешь что он мне заявил? Что предки такие же обитатели, как и я, вот он их от меня и защищает! Наверное не может мне просить, что оплошал так, когда запер. Ошибки своей. И что я иногда нечаянно Йодой его называю. Ну если он такой и есть! Обратись к нему за советом – так сразу: «Самые важные уроки без слов преподаются». Бла-бла-бла. Натуральный Йода! В общем, все здесь против меня. И мужик, и страж, и предки. Один ты меня понимаешь и принимаешь...

Дракон согласно курлыкает и дает почесать свою морду.

И как это я раньше его боялась? Вовсе он не страшный. А о-очень красивый. Сейчас, в свете заходящего солнца – оранжево-золотой. И единственный, кто меня не обижает. Чудо, в общем.

Я так его и назвала – Чудо, раз уж настоящее имя узнать не имею право. Сокращенное от «Чудовишко мое».

Мы сидим на драконьей площадке – точнее я сижу, а он лежит – и смотрим на золотистые горы и тонкие перья облаков, которые тоже уже подкрашены разными цветами.

Красиво здесь. И уютно. Почти самое любимое место в твердыне. Ну, помимо кухни, которую я за семнадцать дней пребывания вполне обжила и превратила в уютное гнездо. И

моей комнаты. И небольшого кабинетика, куда книги стаскивала. И... в общем, я уже кучу времени потратила на то, чтобы привести в порядок все эти помещения и хоть бы кто слово благодарности сказал!

– Есть, конечно, и хорошие новости, – говорю более спокойно. – Только ты всаднику своему не говори. Вдруг он тот, чье имя нельзя называть? Я нашла что-то вроде родовой книги Карваров. Там и события описаны некоторые, и имена... Разные почерки – будто дневник великие люди. И в конце запись: «Твердыня опустела. Его Светлость герцог Карвар Вардрик, похоже, остается последний в роду». Дальше ничего нет. Уверена, это наш Карвар. Который мужик. Сирота без родственников, получается – хотя жалеть его не собираюсь. Я вон тоже без родных и друзей, и никто меня не жалеет... Но вот что мне не понятно – тогда, в крепости, кричали про Карваров во множественном числе. И вообще, он сам меня спрашивал, как это я не знаю Карваров... Один он или не один? Путаница. Но хотя бы понятно, что твердыня эта его. И страж его, и дракон, то есть ты. А главное, я разобралась с тем, когда это записано. Двадцать восемь лет назад! Потому все так и запущенно здесь. Это сколько же ему лет было? Вардрику? Не знаешь? А тебе?

Чудо лишь сопит.

– И я не знаю, – вздыхаю, – Я даже не знаю сколько лет мне в этом теле. И когда у меня по местному летоисчислению день рождения должен быть. Эти ваши тринадцать лун все сбивают! И двадцать семь дней. В общем, не понять, как пересчитать. Назначу себе праздник на любой день, какой понравится! Отметишь со мной?

Кажется, дракон заснул. Бок двигается размеренно, солнце садится, вроде умиротворение такое... но мне становится грустно.

– Это конечно хорошо, что я читать умею, – говорю тихонько, чтобы не разбудить, – и что мне есть что почитать. И с чем разобраться. Но ужасно то, что ни в одной книжке я не нашла еще упоминания о других мирах. И о том, как туда попасть... Точнее, вернуться.

Чтение книг дает мне многое.

Если Чудовишко слушает, то они – говорят.

Я выясняю, например, что такое Изнанка. Вроде нашего подземного царства Аида, которым правят свои собственные боги. Туда отправляются все мертвые души, а твари, упомянутые Карваром, защищают мир живых от мира мертвых, не давая тем душам вырваться на свободу.

И в этот мир лезут исключительно за предками, которые чрезмерно цепляются за каменные стены. Если я верно поняла иносказательные строки, то даже у привидений есть свой «срок службы» и им следует обновлять состав время от времени. Но у них есть и свои чувства, свои мысли и нежелание отправляться в Изнанку. За такими твари и охотятся. К сожалению, подлая еда всех, кто оказывается на их пути.

Так что отношение к порождениям Изнанки так себе.

Ну это я сразу догадалась. Когда мужик на меня этим словом ругался.

А если предки что-то слышали и поняли – я пришла к выводу, что слышат таки и понимают – то становится понятным и их отношение. Вдруг я тварь, пришедшая за ними?

Надо гнать.

– Была бы тварью – давно бы уже у меня в Изнанке сидели, – ругаюсь теперь каждый раз, когда близко подлетают.

За полную луну пребывания в твердыне я с ними так и не подружилась. Но, кажется, стала меньше получать издевательств. Может они притомились, а может я уже не так реагирую бурно и меньше замечаю.

Наташи ко всему адаптируются.

Узнала я и то, что мир называется Прамир. А королевство – Сванхилд. Это даже содружество всяких наделов, герцогств и земель: как я и предполагала, лоскутное одеяло с постоянной переделкой территорий. И герцоги здесь идут прям за королевской фамилией. По власти,

по богатству. Хотя богатым Вардрик не выглядит. Но кто его знает, что за сокровищница прячется в твердыне? Да и сама твердыня стоит, наверное, как половина недвижимости Москвы. Пусть и никому не нужная.

А «мой» герцог может просто повредился умом и отшельничает себе потихоньку. Или его вовсе сослали из столицы Саннджиф за какие-нибудь безумные проделки. Так-то представители высшего сословия там живут: судя по парочке то ли документальных, то ли художественных романов весьма весело живут.

Эти данные меня хоть немного вдохновляют. Пусть и на короткое время.

Понимание, что в этом мире есть что-то кроме гор, дикарских земель, горящих крепостей и безлюдных замков, выдолбленных в скале, дает надежду, что я доберусь до цивилизации. И может найду способ вернуться домой. Эта мысль держит меня в тонусе первое время.

Иначе совсем расклеилась бы... Да, может я не в такой уж кошмарной ситуации. И почти хозяйка сама себе, с учетом того, что особо мне никто не приказывает и не мучает меня.

Чудовищко, опять же. Красавчик.

И стены светятся, винишко под рукой, есть кого перевоспитывать – я про Йоду и предков. Они живость определенную вносят.

Но...

Это вообще не похоже на мою привычную жизнь.

Меня и на Земле-то не оставляло ощущение постоянной борьбы за существование, а здесь все во много раз хуже. Борешься с огромными пространствами и грязью – без всяких бытовых приборов.

Борешься за то, чтобы из малого набора продуктов создать хоть сколько-нибудь нормальный рацион.

Борешься за красоту – без единого путного кремчика или шампуня. За то, чтобы пахло вкусно, чтобы помыться начисто, чтобы поспать на сухих и не ветхих простынях. А это все целая затея, а не просто нажать кнопки или повернуть краник.

Борешься с порождениями местных реалий.

А еще... с одиночеством. Как ни крути, человеку нужен человек. И то, что единственный человек здесь – кроме меня – почти не показывается, бурчит на все мои вопросы и взгляды отводит вгоняет меня в тоску. И на осторожный вопрос, не планирует ли он куда перебраться получаю лишь глухое недоумение. Я всегда была общительной, любила находиться в центре событий. Может от того и профессию себе такую выбрала, и чувствовала себя в компаниях как дракон в небе. И я тоскую без общества. Без привычной работы, разговоров, флирта, заинтересованных взглядов со стороны мужчин.

Оказываюсь всего лишена.

Мы вроде нормально начали с этим Вардриком. Ну, когда он меня спасал или я его тискать пыталась. А в итоге будто одна живу во всей твердыне. Еду в печке оставляю, чтобы теплая была, а потом пустые тарелки забираю. Когда улетает – а делает это часто, о чем дракоша предупреждает прощальным криком, слышным в каждой части крепости – покой его прибираю. Теперь очень уютные, между прочим! Хоть бы слово по этому поводу сказал!

Когда сталкиваемся – случайно – обходит, словно я заразная. Когда с вопросом или просьбой обращается – передергивается, будто ему противно от моего голоса и выдает что-то вроде: «Сама разберешься».

А я не могу со всем этим разобраться, не понятно мне!

Он же мужчина... разве совсем-совсем не чувствует ко мне интерес? Я не то что себя предлагаю, но мне обидно. И одиноко. И да, я – женщина. Может быть даже заинтересованная женщина.

В общем, с каждым днем мне становится все грустнее, и я все больше начинаю сваливаться в унылую апатию.

И неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы не произошло одно событие.

Глава с поцелуем номер два и слезами

Дракон заболел.

Не то что бы я сделалась специалистом по драконам. В ветеринарном тоже не училась. И разговаривать он со мной не начал – хотя мне ужасно этого хотелось. Чтобы хоть кто-то по-нормальному поговорил. А поскольку единственные нормальные в этом замке – это я и Чудо, вот и ждала очеловечивания любимого собеседника.

Но сегодня только вижу его и сразу понимаю – с ним точно что-то не так.

И даже не потому, что он не хочет слушать мое нытье.

Я ведь не ныть пришла. А притащила вкусняшку.

С недавних пор обнаружила, что ящерке очень нравятся мои творожные пончики – я сама научилась делать творог и муку перемалывать, мешаю их с тягучей сладкой смесью и обжариваю на жиру. Потому старалась баловать своего чешуйчатого каждый день, когда он в твердыне был. Баловство и есть – таким гиганта не накормишь. Но лакомство.

А он даже голову не поворачивает. Хуже того... обычно яркая и чуть влажная, переливающаяся чешуя выглядит сухой и выцветшей. По всему телу!

– Эй, ты чего, огненная ящерица? – с тревогой заглядываю в полуоткрытый мутный глаз.

– Крк, – говорит Чудовишко вместо привычного «курлык», пытается приподняться, но тяжело вздыхает и роняет свою огромную бестолковку на лапы.

– Совсем не «курлык»? – пугаюсь ужасно. – Тебя всего двое суток не было... Ты же обычно довольным возвращаешься... Что с тобой? Полнолуние? Устал? Ранили?

Я притаскиваю ему ведро воды – вдруг обезвоживание? Суетливо бегаю вокруг огромного туловища, пытаюсь разглядеть раны или кровь, тормошу за морду, глажу по наросту-лбу и даже забираюсь верхом, чтобы оценить возможные масштабы бедствия...

Внешних повреждений не вижу.

– Я надеюсь это не из-за сладенького? – слатываю.

Но ответа не добиваюсь. Только чувствую... ему очень плохо. Очень!

Смотрю растерянно какое-то время... и решительно направляюсь в твердыню на поиски хозяина этой животины. Он где-то здесь должен быть... «где-то» – ключевое слово. Здание огромное, я даже до конца не обошла здесь все – боялась потеряться. Да и Вардрик этот не сидит на месте, а бродит порой днями и ночами в непонятных локациях. Деловой блин.

– Ваша Светлость! – стучусь во все комнаты подряд, и в его покои тоже, – Дракону плохо!

– Ваша Светлость! – ору, выбегая на улицу, – Там дракон заболел! Где вы ходите?

– Ваша Светлость, – оббегаю все обжитые комнаты. И кухню. И хозяйственный постройки, где он бывает. Голос срываю, пытаюсь дозваться – но не выходит. – Дракоша страдает!

Никого.

Только привидения и попадают на пути. Подстерегают меня вылетают с четырех сторон одновременно. Прикол у них такой в последние дни – столкнуться внутри меня, если не отскочу, и разлететься по своим траекториям в разные стороны.

– Хватит, – бросаю резко и холодно. Мне точно не до их игрищ, – Хватит мешать мне жить в твердыне. Я все равно отсюда никуда не денусь. А вас вместе с телами похоже покинуло и воспитание, и хоть какое-то сочувствие. Драконяшке плохо, а вы меня останавливаете, будто только тот факт, что вы по каким-то причинам не улетели в Изнанку, делает вас главнее. Пшли вон!

Рукой резко отмахиваюсь. Приказываю уверенно.

И предки... они, будто присмирив, разлетаются.

У меня челюсть едва не падает. А что, так можно было? Приказывать я им никогда не пыталась, и уж точно не чувствовала себя в праве... Но стоило почувствовать, как меня послушались?

Спохватившись, что не о том думаю, снова бегу на поиски хозяина всего этого безобразия. А тот реагирует на крики. И не находится. Даже в погреб заглядываю – но и там никого. Только...

Хм, бочонка с вином не хватает. И, кажется, одной плошки с дурилкой этой... Я ведь ее куда подальше хотела задвинуть – чтобы только не перекусить ею случайно, нельзя наркотики рядом с едой хранить! Задвинула. Но вернувшись как-то обнаружила на прежнем месте.

Поняла тогда, что герцог переставил, удивилась и не стала больше трогать...

А сейчас куда переставил вино и порошок?

В себя что ли?

Что-то происходит... вот нутром, то есть задницей чувствую – происходит что-то важное, но я еще не разбираюсь в местных реалиях настолько, чтобы это понять! И бегать я так могу до бесконечности – а ведь давно могла бы просто спросить, как дракона сломанного исправить. У стража!

Тот уж точно на мои вопли явится. Особенность у них такая – приходит когда зовут. Не факт, что ответит... Но ведь Чудо – обитатель твердыни. А значит Борн обязан ему помогать!

– Дракон заболел! – сообщаю ушастому быстро, как только он на кухню заходит, – А Светлость потерялась, прихватив с собой вино и дурилку. Мне кажется всех спасти надо... помогай!

– Всех не спасешь, – спокойно отвечает этот Йода недоделанный и разворачивается, чтобы уйти. Типа ради ерунды позвала.

– А ну стой! – злюсь. И переживаю. Потому разговариваю невежливо, я так с ним никогда не разговаривала. Но мне нужна помощь! – То что ты страж и старый, мудрым и правым тебя не делает! Дракон – местный, ты должен его защищать.

– Когда тебе двести лет исполнится, тоже не будешь выглядеть молодой. А в голове гуще так и с возрастом не станет, – фыркает, парируя. И добавляет загадочное, – Герцог сам так решил, я ему мешать не буду.

На лице его будто недовольство «решением герцога». А я еще меньше понимаю.

– Что решил? Чудо не лечить? – нависаю над Борном, – Что за ерунду говоришь?! Ой, да ладно, говори что хочешь – только помоги мне Его Светлость найти. Дальше я сама разберусь.

– Не советовал бы, – отвечает серьезно.

– Да мне не нужны советы! – вспыхиваю, – Что ж ты за страж такой, что у тебя в твердыне или замерзают, или пропадают, или помирают?!

Кажется, я задеваю его за живое. Впервые. Смотрит на меня, глаза сузив, и едва ли не с ненавистью. Или что другое в его взгляде? А потом тянет задумчиво:

– Ну что же... я пытался тебя остановить. Иди. В покоях он.

– Я стучала! Кричала! Заперто!

– Так и не услышит. И не откроет.

Да можно и не открывать, ха!

У него там не засов, а ключ – а у меня, как у рачительной хозяйки, давно уже ключи от всех важных помещений. Тем более что здесь особо с замками не заморачивались – почти у всех замков один и тот же мастер.

Я и правда нахожу мужика в комнате. На кровати. Лежит с закрытыми глазами – и бочонок с плошкой там же.

– Вот вы где! – говорю сердито, – Там ваша птичкадохнет – а вы тут пьяный!

Не реагирует.

– Эй! – невежливо его трогаю за плечи, – Приходите в себя – ему совсем паршиво! Надо спасать, а я совсем не понимаю как.

– Бр-бр-бр, – отвечает Вардрик

– Сам такой! – окончательно свирепею. Нахожу кувшин с водой – я, между прочим, всегда заботливо его ставлю. Со свежей водичкой!

И выливаю на голову нерадивого хозяина. рассвирепела.

– Фр-р! – открывает мутные глаза.

– Дракону. Плохо. Помогайте! А не валяйтесь тут в таком состоянии! – сообщаю громко и отчетливо. Чтобы дошло.

– Ик, – говорит мужик, – Так надо. Уходи...

– В смысле надо? Кому? Мне, например, не надо! Мне надо, чтобы он здоровенький был! Или хотя бы объясните, что с ним, потому что переживаю же! И не уйду никуда, пока объяснений не услышу!

– Уходи! – рычит уже.

– Нет! – топаю ногой, – Он мне единственная родна душа здесь! Буду спасать!

– О себе бы, больная баба, лучше подумала... – сообщает Карвар с непонятной тоской...

А в следующее мгновение я лежу на кровати, подмятая его тушей.

– Ик, – говорю я в ответ на это. Дурной пример, похоже, заразителен.

Он теперь целует... Дурной пример заразителен!

Только не так как я целует. Совсем не так.

Я спрашивала. Ну, поцелуем. Типа можно или нельзя? Останавливала от всяких нехороших желаний, вроде убийства меня. Показывала, что не тварь я изнаночная, а право на дышать имею.

Этот не спрашивает. Этот берет. Дурман в его глазах мелькает так быстро, что я едва свое «ик» успеваю произнести, и тут же глаза закрываются, потому что кое-кто меня не просто целует – жрет. Выпивает до самого-самого доньшка. Меня так и не целовали никогда. До ощущения, что без этого поцелуя он сдохнет. И свой язык ему деть некуда кроме моего рта.

И мелкие укусы, утробное рычание, стоны – это все естественно и настолько важно, что останавливать мужика – преступление...

Я бы даже не сказала, что получаю удовольствие от поцелуя. Я настолько ошеломлена, как он это делает, какие образы и чувства вызывает у меня, как топит буквально в своем желании – а притворялся ведь такой ледышкой! незнакомцем притворялся равнодушным! – что поначалу не могу сопротивляться. Сама упиваюсь поцелуем. И ощущением власти... как будто ее мне вот так вот вручают и делай теперь с ним, что хочешь!

Я и делаю... что хочу. Отталкиваю.

Когда Вардрик непослушными пальцами начинает рвать шнуровку моей рубашки, прихожу в себя. И отталкиваю. Со всей силы, потому что в один момент понимаю – да, нравится... местами. Да, живой мужик – а я живая женщина. Но моя первая ночь точно не будет в таких вот обстоятельствах. Когда он пьяный, еще и под дурью – а там дракоша может быть погибает.

– Правом не дорос, чтобы тискать меня, – рычу, когда он не отталкивается с первого раза. – Ваша Светлость! Нет! Не смейте!

Закрываю его губы, которыми он снова ко мне тянется, ладонью, а потом еще и за волосы оттаскиваю от своего лица.

– Единение... – бормочет, шаря мутным взглядом по моим щекам, шее, груди, которую все норовит высвободить, – Сама же хочешь Единения...

Это у них так красиво заменяют слово «секс»? Впрочем, не важно.

– Ни слова об этом не сказала, – пытаюсь из под него выползти, отпихивая руки, которыми герцог норовит что-то у меня пощупать. Вот странно, что страха нет... В прошлые разы у меня аж истерика была, что пристают – а сейчас чего? Привыкла к нему за время непристой-

ных снов, которые мне парочку раз снились? – Какое там единение, когда вашему крылатому другу плохо, а вы пьяны почти до отключки?!

– Самое настоящее, – бормочет и снова наваливается.

Да блин!

Он мне в шею впивается, а я руку вытягиваю, кувшин, из которого воду на него вылила, нащупываю на столике и со всей дури бью по дурной голове. Так что тот на осколки... В герцог со стоном отодвигается. Не отключился, конечно, но фора у меня есть.

Скатываюсь с кровати и бегу прочь, в коридор. Потом и дверь запираю – пока он ключ найдет, пока отопрет, я уже...

Уже что?

Со вздохом прислоняюсь лбом к стене в попытке понять, что дальше-то делать? Карвар мне нужен был не для проверки, насколько крепка глиняная утварь. Ради помощи. А кто теперь поможет, а? Хоть книга была бы какая, «Драконоводство для начинающих». Но я каждый день в библиотеке шарю, пока ни одной не встретила. Только сказки про драконов.

И как они помогут?

Всхлипываю.

Прислушиваюсь.

Странно, но за дверью спальни никакого шевеления. Может я отбила ему мозги, а копошился он после удара уже в последних конвульсиях? Как дергается уже выловленная рыба в ванной?

– Не, – говорю сама себе, подавляя желание проверить, как он там, – Такого не пробьешь. А если потом голова будет болеть – так это от вина. Дракону я нужнее.

Возвращаюсь на кухню и набираю полное ведро воды. И пончики беру новые – я их много нажарила. А из своего импровизированного «кабинета» – драконьи сказки. И тряпочки. И пледик.

И бегу к дракону, который, кажется, за время моих метаний даже положения не поменял. Солнце поменяло – вон уже к закату клонится – а он – нет.

– Чудо мое, – всхлипываю опять. Так мне его жалко. – Ну пожалуйста, живи. Не ради меня, а ради себя. Ты же такой краси-ивый... Умный... Замечательный. Гордый и мощный... Никто мне не говорит, что с тобой и как тебе помочь, но знай – я тебя одного в таком состоянии на ночь не оставлю.

Я плачу и глажу по неподвижной голове. И влажными тряпочками чешуйки натираю.

Рыдая, пытаюсь его напоить и накормить – но даже пасти не открывает.

Укутываю пледом шею в связи с совсем уж идиотской идеей – вдруг у него горлышко болит? А сама утрамбовываюсь где-то между локтем и пузом и, пока не становится окончательно темно, читаю ему сказки, периодически хныкая и вытирая мокрое и соленое лицо.

– Сон – лучшее лекарство, – шепчу, не слишком в это веря, – Давай договоримся. Когда мы проснемся – ты будешь здоров.

И с этой фразой засыпаю сама в его объятиях.

Про «первую ночь» и перемены

«Курлык».

Ага, ага. Щаз встану...

«Курлык, курлык»

Да кто тут раскудахтался так, чтобы...

– А-ааа! – воплю я спросонья, подскакивая и осозная, где нахожусь.

– Фр-ррр, – рычит и фырчит Чудо и тоже приподнимается на лапы.

Солнце палит вовсю – день уже яркий, это сколько же я проспала? – а дракоша радостно перетаптывается и курлыкает, норовя подставить свои наросты на лбу под мою ладонь.

Он что...

– Выздоровел! – воплю от радости и вешаюсь на драконью шею. Тискаю. Ну, насколько можно тискать ящера величиной с домик такой. А потом отбегаю чуть и осматриваю взволнованно.

Реально выздоровел!

Курлычет, тянется, крыльями похлопывает, морда радостная, а чешуя будто еще ярче горит!

– Чудовишко мое! – хлопаю в ладоши. – Ты совсем как новенький!

Сообщает мне что-то на своем, ящурном, и взмывает в небо. Парит, извиваясь и демонстрируя, какой он хорошенький и пригоженький.

– Ты восхитительный! Очень – преочень! Красавчик мой, умничка, самый замечательный и здоровый дракончик на свете!

Самый замечательный дракончик на свете делает еще несколько кругов возле башни, ревет громкое и... улетает с реактивной скоростью.

Так.

Радость слегка уменьшается.

А ему можно вот так сразу летать? И вообще... Не могу сообразить – без всадника он это делает обычно? Только один случай помню, когда я случайно на него приземлилась, в крепости...

Может ему опять плохо – только по-другому? Или у него мозги повредились от болезни? Или преданность всаднику отвалилась? Еще в самый мой первый день герцог что-то говорил про "отвязать дракона"... Это не оно?

Впрочем, я сейчас ничего не сделаю. И не пойму. Сама же говорила – только бы живой. Вот он и выжил. А об остальном я Вселенную не просила. Не рискую уже лишнее просить. И вообще, Чудо и прежде был волен летать сам, куда хочется. А то, что не пользовался этим правом – так я причем? Т

ем более, что Его Светлости и так есть за что меня прибить.

Не только за то, что дракона потеряла.

Мимо герцогской спальни пробираюсь на цыпочках, постоянно прислушиваясь, вдруг выскочит? Коридоры и лестницы в этой части твердыни устроены по-идиотски, как эскалаторы в некоторых торговых центрах. Чтобы спуститься на два этажа, сначала надо на один спуститься и мимо всех бутиков пробежать ради следующего эскалатора...

Вот и мне приходится мимо его спальни всегда ходить, по дороге от дракоши на кухню.

Но в покоях тишина. Надеюсь не мертвая. А я юркаю в свои – дальше по коридору.

Прежде всего снимаю всем подряд испачканную одежду, еще и порванную, и привожу себя в порядок. Купальный закуток я оборудовала на нижнем этаже, наверх ведер не натааскаешься. Мужу может и таскала бы, ну, по приказу. Наполнить какое-нибудь корыто, как я в фильмах видела. Только он не приказывал и корыта я у него не видела.

При этом, кстати, не вонял. Будто был приучен гигиену соблюдать.

Я тоже приучена.

Но грею воду и моюсь возле кухни. А в комнате держу достаточно воды только чтобы попить, почистить угольным порошком зубы, умыться и обтереться чистой тряпочкой. Лицо ополаскиваю настоящим травяным раствором. И чуть-чуть смазываю разбавленным растительным маслом. Ничего похожего на крема я не обнаружила и очень страдала от этого. Хотя мыло, похожее на хозяйственное, нашла – строгала его и превращала в почти жидкое. А так с косметикой было полное средневековье.

Как и с бельем.

Носками и удобной обувью.

Привычной одеждой...

Вздыхаю и надеваю уже почти привычную, которую я по всем сундукам собирала в количестве нескольких экземпляров, отстирывала и выглаживала на допотопном утюге с углями. Белую длинную рубаху с полупрозрачными рукавами, допотопные шитые чулки, которые держатся выше колена специальной шнуровкой, платье-сарафан темного цвета с вышивкой по подолу и вороту. Вряд ли это одежда служанок, но меня ни разу не поправили – так и я не стеснялась.

Гребнем расчесываю волосы и скрепляю их лентой.

– И все таки хороша, – улыбаюсь, глядя на себя в роскошное огромное зеркало, которое я волокла аж с нижнего этажа.

Кожа, несмотря на отсутствие ухода, светлая и нежная, только на руках огрубела, но над изобретением перчаток я работаю.

Лицо светится молодостью, глаза и волосы блестят, фигура подтянулась. Предыдущая я не заморачивалась зарядкой, да и не принято здесь скакать, наверное. Но благодаря йоге и упражнениям на пресс, которые я каждое утро теперь делала, а еще постоянной беготне и движению, чуть раздавшиеся бога и мягкий животик обрели более привычную мне форму, а руки налились силой.

Убеждаю себя, в зеркале, что все будет хорошо, и направляюсь на кухню.

Время здесь можно определить только по паре солнечных часов, которые показывают больше полудня.

Не удивительно, что я зверски голодна.

Удивительно, что так спокойна после всего произошедшего. Ну как, спокойна...

Кроме продуктов из погреба прихватываю себе еще и винишка. Это может мой последний обед в твердыне, если вдруг мужик решит, что я вела себя совсем неподобающе вчера. Или дракон не вернется. Или еще какая-нибудь фигня произойдет.

Мир здесь такой. Постоянно что-то нехорошее происходит.

Так пусть я хотя бы буду сытой и веселой при этом.

Ставлю на огонь котелок с водой и, тихонько напевая и выпивая, крошу туда уже поднадоевшее просоленное мясо, клубни всякие, горстку зерен, которые, развариваясь, вполне себе в кашу превращаются.

Делаю еще глоточек...

– Как ты в таком зрелом возрасте, да еще и в крепости Освинов девственницей осталась?

Вопрос от внезапно подкравшегося герцога заставляет меня резко развернуться и приснуть жидкостью от испуга.

Так, с Освинами понятно – теперь хоть знаю, откуда прибыла. Но почему зрелая?! Мне на вид не больше двадцати. Почему девственница?! Он же не проверял, да и я как бы тоже не уверена...

И почему вообще вопрос такой задает, а?

– Еще и пьешь, – добавляет на мою мыслительную деятельность и молчание мужик со вздохом и смахивает красные капли со своего кожаного нагрудника.

Осторожно оставляю бокал, в котором и половины не выпито и думаю, что не мужику точно меня упрекать в алкоголизме.

Только думаю.

Сказать такое не посмею, конечно...

Это вчера у меня был, можно сказать, больной ребенок на руках. И материнский инстинкт позволял носиться по твердыне с требованиями. Всем орать и приказывать, даже Его Светлости. Но сегодняшнее осознание, что я вообще-то в подчиненном положении и приживалка, оно заставляет действовать осторожно.

А то, что мы вчера целовались и едва не того... Ерунда. Для него во всяком случае. Судя по происходящему со мной в этом мире здесь это частое явление. Да и уроки истории вспоминаются. Красивые девки как разменная монета и способ сбросить напряжение всяким важным воинам. Ну и инкубатор тоже. Даже в местных книгах, даже в полухудожественных, которые я читала, все героини были мужики, написаны они были от мужского лица и девицы если и мелькали там, то в качестве объекта восхищения – благородные и невинные. Как распутницы. Служанки. Или как скромные и холодные матери семейства.

Литература не врёт. И гендерное превосходство мне не раз демонстрировали.

До меня доходит, что молчу я как-то слишком долго.

– Вино – от нервов, – вздыхаю. – А девственность мою обсуждать как-то неприлично...

Говорю так специально, конечно. Потому что как раз это очень уж хочется обсудить. Что-то не то с моей невинностью, инстинктивно понимаю. Точнее, очень даже то... Поэтому ему важно.

Мужик глотает наживку. Делает шаг ко мне, так чтобы прям нависнуть и подавить, и жестко обхватывает подбородок, заставляет на него смотреть. Выискивает в моих глазах что-то.

Попытку обмануть может.

Но я смотрю открыто. И открыто же изучаю его. В глазах – ни капельки дурмана. На лице – помятости. Будто не он вчера напился вусмерть и не он должен страдать жесточайшим похмельем. Хмурый. Как всегда. Но на этот раз в его хмурости – оттенок какой-то обреченности и отчаяния. Аж пожалеть хочется. Помочь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.